

№ 2 90

2015

мирт

ДУМАТЬ И ВЕРИТЬ

«Господи, научи меня
искусству маленьких шагов»

Антуан де Сент-Экзюпери

Молитва Антуана Сент-Экзюпери

Господи, я прошу не о чудесах и не о миражах, а о силе каждого дня. Научи меня искусству маленьких шагов.

Сделай меня наблюдательным и находчивым, чтобы в пестроте будней вовремя оставалось место для открытий и опытов, которые меня взволновали.

Научи меня правильно распоряжаться временем моей жизни. Подари мне тонкое чутье, чтобы отличать первостепенное от второстепенного.

Я прошу о силе воздержания и меры, чтобы я по жизни не порхал и не скользил, а разумно планировал течение дня, мог бы видеть вершины и дали, и хоть иногда находил бы время для наслаждения искусством.

Помоги мне понять, что мечты не могут быть помощью. Ни мечты о прошлом, ни мечты о будущем. Помоги мне быть здесь и сейчас и воспринять эту минуту как самую важную.

Убереги меня от наивной веры, что все в жизни должно быть гладко. Подари мне ясное

сознание того, что сложности, поражения, падения и неудачи являются лишь естественной составной частью жизни, благодаря которой мы растем и зреем.

Напоминай мне, что сердце часто спорит с рассудком. Пошли мне в нужный момент кого-то, у кого хватит мужества сказать мне правду, но сказать ее любя!

Я знаю, что многие проблемы решаются, если ничего не предпринимать, так научи меня терпению.

Ты знаешь, как сильно мы нуждаемся в дружбе. Дай мне быть достойным этого самого прекрасного и нежного Дара Судьбы.

Дай мне богатую фантазию, чтобы в нужный момент, в нужное время, в нужном месте, молча или говоря, подарить кому-то необходимое тепло.

Сделай меня человеком, умеющим достучаться до тех, кто совсем «внизу».

Убереги меня от страха пропустить что-то в жизни. Дай мне не то, чего я себе желаю, а то, что мне действительно необходимо.

Научи меня искусству маленьких шагов.

*Антуан де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ,
Франция*

Господь, я не прошу о чудесах,
Иллюзиях и дивных миражах.
Дай мудрость в каждом дне, в молчании без слов
Постижь искусство маленьких шагов.

Пусть важные и срочные дела
Не заслоняют ни добра, ни зла.
Дай тонкое чутьё, чтоб в пестрой суете
Их различать на жизненном холсте.

Позволь ни волноваться, ни спешить
От страха что-то в жизни упустить.
И радостную весть, и солнца нежный блик
Воспринимать как самый важный миг.

Даруй мне чувство меры – славный дар -
Где нужно ждать, где – сдерживать удар
Чтоб направлять мечту, планируя свой путь,
Стремясь за горизонт перешагнуть.

Напоминай, что зрелость и успех
Немыслим без пробелов и помех.
Избавь от веры в ложь – наивной и пустой –
Что жизнь должна быть гладкой и простой.

Прости, Господь, что на свою беду
Рассудок с сердцем часто не в ладу.
Спаси и сохрани от этой западни,
И в мудрость сердца их объедини.

Я так нуждаюсь в дружеских словах,
Которые при свете и впотьмах,
Как нежный Дар Судьбы, прекрасный и живой
Сияют над моею головой.

Дай мне возможность в подходящий миг
Раскрыть воображения тайник,
И тем, кто вниз упал, кому не повезло, -
Дарить необходимое тепло.

Пусть сердце греют только те мечты,
Которые в него вселяешь Ты,
Дай силу в каждом дне, услышав мудрый зов,
Не сбиться с ритма маленьких шагов.

*Вера СТЕПАНОВА,
Рязань*

О предании и традициях в современном христианстве России

1. История темы, история проблемы

Тема предания и религиозных традиций в современной России содержит проблему. Эта проблема оказывает сильное влияние на развитие отношений между различными ветвями Церкви Христовой. Но проблема лежит не внутри предания или традиции, а между Священным преданием (традицией) и Священным писанием. Она звучит следующим образом: что является авторитетом для христианина – только Священное писание или вся церковная традиция, т. е. Священное предание.

Тема актуальна для развития взаимоотношений православных и протестантов в России, но возникла очень давно, практически была заложена в российское христианство при его появлении на Руси, так как христианство пришло, сопровождаемое письменным источником на отечественном языке. Письменным источником был кирилло-мефодиевский перевод Евангелий, Деяний апостолов, Псалтири, книги Притч, а опытно переживаемой практикой духовной жизни была традиция Византии.

Русским, принявшим по решению князя Владимира новую религию, нужно было осваивать как строй духовной культуры византизма, так и образ мыслей христианства. Образ же мыслей лучше всего фиксирован в текстах. Русские князья не имели намерения быть вассалами Византии, по этой причине и сами читали первоисточник, и поощряли отечественную богословскую мысль.

Примечательно в этом отношении высказывание митрополита Иллариона в «Слове о законе и благодати»: «Вера от Бога, а не от греков!» Он отталкивается в своем мышлении от идей письменного текста, что и естественно при освоении новой духовной культуры. Но, конечно, в целом русская духовность пошла по пути освоения византийской модели.

Дальнейшее сложное развитие русской духовности привело к утверждению прежде всего обрядоверия, что было естественно для «душевной» по своей внутренней сути Руси. Когда духовное в своей сущности христианство пришло на душевную почву Руси, Русь восприняла в христианстве то, к чему была готова – его душевную сторону.

Процесс «вырастания» в дух Христова Евангелия начался, но продолжался естественным для культуры русского общества путем – путем постепенного переживания общения с Богом на путях собственного духовного выбора, притом неравномерно. Если находившаяся под татарским игом юго-восточная часть Руси основывалась на аскетическом созерцании монахов, то на северо-западе, где не было татар, а продолжалось естественное, основанное на усвоение книжного учения развитие, возникла критика на строй русской религиозной жизни, причем по таким направлениям, как отрицание церковной иерархии, обрядоверия, стяжательства.

Эти идеи можно было получить простым и естественным путем – через чтение Евангелия и Деяний апостолов. Так движение книжных православных XIV века («стригольников») было уничтожено физически, но продолжало оказывать влияние на дух православных христиан се-

Христианская афиша «Протестанты Петербурга» — интернет-проект, направленный на освещение жизни и деятельности христианского сообщества Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

На проекте вы найдете

- Карту евангельских церквей Санкт-Петербурга и Ленинградской области
- Каталог христианских организаций
- Расписание церковных богослужений и мероприятий
- Фото- и видеорепортажи мероприятий
- Поиск церкви по станциям метро

afisha.drevolife.ru
Эл. почта: afisha@drevolife.ru

веро-западной Руси, так как идеи можно преодолеть только более высокой духовностью, а не запретом.

По этой причине в XV веке они «воскресли» в движении «жидовствующих» во время присоединения Новгорода к Московскому государству Ивана III. Основанием была все та же передававшаяся из века в век «книжность» веры новгородцев и псковичей.

Удивительно, но основная линия критики со стороны официальной церкви на этих «еретиков» состояла в том, что они использовали Ветхий Завет. Действительно, они его знали, так как переводы в старославянском виде уже существовали.

Архиепископ Геннадий решил вопрос по существу! Он стал собирать со всей России библейские переводы, которые затем и были опубликованы в Геннадиевской Библии. И началось более глубокое, уже в рамках официальной церкви, ее изучение, хотя, конечно, вынужденный характер этих действий, традиция иного образа церковной жизни вызывали пассивное отношение к Библии у большого количества священнодействующих служителей. Однако, для русского народа важно было, что тексты из Евангелий и Деяний апостолов входили в круг храмового церковного чтения.

Немногим позже столкновение позиций официального православия с «книжным» христианством произошло в Москве, теперь уже прямо при дворе Ивана III. Предводителем этой псевдоереси был дьяк-дипломат Федор Курицын, запись о роде которого была внесена в Бархатную книгу высших родов России. Из уст Федора звучала критика на Предание, но с опорой на Писание. Иосиф Волоцкий на соборе 1504 года добился отвержения позиции еретиков.

Важно отметить, что евангельское движение в России шло своим путем, параллельным соборному движению в Западной Европе. И на Западе, и в России инициативы по реформе Церкви изнутри оказались безрезультатными. Но в настоящий момент важно показать, что подход евангельского движения, ориентированный на авторитет Священного писания в противовес Священному преданию, для России является возникшим естественно и самобытно.

Евангельская традиция потому и называется евангельской, что нашла очень важную идею для оживотворения христианской жизни, идею, через несколько веков легшую в основу Реформации, а именно – возвращение к образцу

I века, к словам Христа и апостолов через текст Священного писания.

История евангельского движения в России позже (через два века после стригольников) включила влияние собственно протестантизма (лютеранства, реформаторства и даже англиканства). Но основной вопрос богословской дискуссии между евангельским и православным христианством нашей страны продолжал состоять в оппозиции приверженности или совокупной церковной практике (Преданию, Традиции), или исключительно Священному писанию.

Как можно увидеть из приведенных примеров, оппозиция Предание-Писание носит общехристианский характер. Она родилась как попытка решить проблему адекватности практики Церкви Христовой учению ее Основателя, Иисуса Христа.

Вопрос остается актуальным и в XXI веке, так как не был разрешен. Оппонирование православного и евангельского подходов продолжится, нанося серьезный урон исполнению воли Божьей в нашей стране.

2. Современное состояние проблемы

Корень проблемы заключен в том, что парадигмы, сложившиеся исторически, имеют основания в движениях человеческих сердец (говоря языком науки – страстях), то есть в исторических устремлениях чувств. Эта идея впервые выражена Ойгеном Розенштоком-Хюсси. Страсти же обусловлены подчас уникальным сочетанием факторов, влиявших на мироощущения людей в ту или иную эпоху.

Одна из обсуждаемых парадигм, – православная (в сущности, «старохристианская», имеющая начало в апостольское время, но раскрывшаяся в полноте, начиная с конца I века), – основывалась на идее жизни с Богом, со Христом, в Духе Святом, исходящей из усвоения Евангелия как идеи, а не буквы («И ныне предаю вас, братья, Богу и Слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать наследие со всеми освященными» – Деян. 20:32). Для нее и новозаветные Писания апостолов и учеников Христа были лишь краткими, частичными и нередко возникшими по случаю записями основных ценностей новой жизни во Христе.

Суть движения сердец в этом направлении может быть оформлена следующим образом: «Жизнь, а не буква». Но для христиан первых веков были важны и записи (они их перечиты-

вали), что и вошло в традицию отношения к ним – записи фиксировали единое мнение слушателей об их духовном опыте; они могли быть арбитром в полемике. Таковым было ощущение жизни в те далекие времена, и, конечно, оно соответствовало ей.

Другая, – евангельская (нередко – «протестантская», как ее воспринимают многие), – парадигма сложилась во времена критики исторической церковной практики. Практика как результат творчества людей настолько далеко ушла от письменных источников, конечно, ограниченно фиксируя действительность, но сохранивших в сравнительной неизменности идеи и ценности Нового Завета, апостольского времени, что невольно возникал вопрос: то, что практикуется современными христианами XIV-XVI веков (или и более позднего времени), является ли вообще христианством?

И записанное Слово говорило: произошел отход от первоначальных духа и буквы Евангелия. Носители этих убеждений были людьми, умевшими читать и мыслить на основе прочитанного. Движением их сердец была верность первоначальному Евангелию. Конечно, это тоже страсть, хотя и адекватно соответствовавшая времени, но, в свою очередь, имеющая свои границы жизненного охвата.

Итак, столкнулись две парадигмы: парадигма полноты жизни в Боге, Христе, Духе Святом, охватывавшей все христианское бытие, и парадигма верности Божьему слову в противовес человеческим обычаям. Противники видели слабые места друг друга и указывали на них публично. Староцерковные богословы говорили об ограниченности опоры только на Писание как о главной слабости евангельской позиции; евангельские теологи – о принципиальной поврежденности человека в усвоении и исполнении Божьей воли, что неминуемо ведет к искажениям и даже развороту в сторону «человекобожия» в результате исторического развития Предания.

Современность XXI века свидетельствует об обострившемся конфликте глобальных мировоззренческих систем (атеизма, теизма, пантеизма) и различных конфессий, выросших внутри этих систем, но очень усилившихся и пытающихся победить, чтобы доминировать даже в глобальном масштабе. Христианство, привлеченное правящей элитой мира для оправдания ее деятельности, в значительной мере редуцировалось под интересы правящей элиты, обнуживая в этой форме своего существования

значительные изъяны мировоззрения, что привело к прямому противоречию воле Бога.

Но по условиям Божьего Откровения христиане сильны только тогда, когда верны истине, исходящей от Самого Господа. Таким образом, внутренняя церковная причина необходимости исследовать природу кризиса практики Церкви Христовой дополняется внешней. Критики христианства имеют успех, когда «бьют» по действительным слабостям Церкви, закрепившей в своей практике, обычае, предании то, что было близко сердцам людей в давние времена, но что в настоящее время кричаще диссонирует с Евангелием.

Проблема Писание-Предание является очень важной, ее решение либо разрушает, либо укрепляет фундамент современного христианского мировоззрения. Она должна быть исследована, чтобы найденное решение, как решение Иерусалимского собора I века (Деян. 15), удовлетворило чаяния христиан, успокоило их совесть в Господе, соответствовало воле Бога и обеспечивало тем самым победу Царства Божьего (естественно, не в физическом, а в духовном смысле победы истины над ложью).

3. Научный и богословский подходы

Понятия Предания и Традиции глубоко разработаны в православном богословии (ввиду необходимости защиты богословской позиции

**ВРЕМЯ
ИЗУЧАТЬ
БИБЛИЮ**

Приглашаем вас изучать Библию по урокам-беседам, рассылаемым по почте или онлайн в интернете на сайте GTGold.ru. В уроках обсуждаются темы: Что такое христианство, что такое Священное Писание, проблемы сотворения мира и многое другое.

Заявки для записи на библейские курсы можно отправить на наш электронный: konkordiaspb@mail.ru, почтовый адрес: Фонд «Конкордия», а/я 55, Санкт-Петербург, 199004. Россия или отправить SMS'ку с заявкой на курсы на номер: +7 911 821 70 02

Для прохождения онлайн изучения по видео урокам, зарегистрируйтесь на сайте GTGold.ru

Заочное изучение Библии проводится при поддержке Фонда «Конкордия».

православной Церкви) и в социологической науке/науках, исследующих все сферы передачи человеческого опыта новым поколениям. Основной для богословского привлечения данных науки является позиция, что все, открываемое людьми, предназначено им от лица Самого Бога. Это Его Общее откровение.

Христианское богословие берет Особое Божье откровение как методологическую основу для подхода к открытиям, сделанным людьми относительно Общего Божьего откровения. Данные Общего откровения вбираются христианами в создаваемую ими целостную картину мира, предназначенного Богом для познания человеком. За познанием же следует процесс управления землей (Быт. 1:26: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они... над всею землею...»), что и естественно как переход теории в практику.

Привлечение данных науки христианским богословием позволяет иметь некоторого посредника, чтобы мог быть найден выход при остром оппонировании традиций богословской мысли староцерковного и евангельского движений. Отметим, что термин «староцерковный» представляется более полезным для дискуссии,

чем термин «православный», так как в термине «православный» есть большая доля оценочности, которая в богословском исследовании не только не полезна, но и вредна.

В настоящей статье нет необходимости излагать староцерковные, евангельские и научные определения традиции, предания. По этому вопросу написано множество статей и книг. Но ощущается нужда предложить некоторый иной подход, который позволял бы с уважением относиться к достижениям православной мысли относительно Предания и, вместе с тем, открывал бы выход из замкнутого круга рассуждения только в парадигме православия (или староцерковности). Представляется, что евангельская находка и независимый подход науки могут быть плодотворно соединены с достижениями православных богословов.

4. Предложения для нового подхода к анализу христианских предания и традиции

4.1. Об Откровении и Открытии

Итак, все доказательства оппонированных сторон исходят из практики применения двух парадигмальных установок:

Евангелическо Реформатская Церковь России (ЕРЦР)
Приглашаем Вас на Пасторскую Конференцию 2015!

www.refspb.ru

Ordo Salutis Библейский порядок спасения

**Доктор
Тони Лейн**

- Профессор исторической теологии, в Лондонской школе богословия (LST) - крупнейшего межконфессионального евангельским теологическим колледжа Европы
- удостоен степени доктора богословия Оксфордского университета, является автором многих книг, на русский язык переведена и широко известна его книга: "Христианские мыслители"

**Пастор
Джеффри
Томас**

- пастор баптистской церкви "Alfred Place", Аберистуит, Уэльс

**Пастор
Дьюи
Робертс**

- выпускник Колледжа Белхафен и Реформатской Теологической Семинарии
- пастор Краеугольной Пресвитерианской Церкви в Дестине, Флорида

Здание Пресвитерианской Церкви
СПб, ул. Таллиннская 9, лит. А
метро "Новочеркасская", выход из метро №12

Подробности:
+7 911 942 16 01,
reformatspb@gmail.com

15 - 17 сентября 2015

1. жизнь, а не буква;
2. верность Писанию.

Их сближение на практике оказалось невозможным. Причиной является неверный методологический подход. Стороны используют артефакты сложившихся богословских культур, которые принципиально «не слышат» друг друга. Фактически речь идет не о поиске истины Божьей, а о установлении доминирования одной из уже сформировавшихся позиций. Но Господь сказал устами апостола Павла, что мы должны «познавать, что есть воля Божья благая, угодная, совершенная» (Рим. 12:2). Именно она, воля Божья, должна стать «общим знаменателем» в диалоге.

Как соотносятся та или иная культура церковной практики с волей Божьей?

Представляется необходимым произвести детализацию понятия «воля Божья». Воля Божья – это Откровение Бога (Общее и Особое), но пропущенное через восприятие человека – Открытие. Откровение для людей никаким иным способом не может быть выражено, как через их восприятие. Это восприятие рождает Открытие относительно Откровения, налагая «рамку» человеческой гипотезы на воспринимаемое явление (в данном случае Откровение).

Все слабости человеческой природы проявляются в этом акте. Божье Откровение всегда искажено в человеческом Открытии. Но исторический процесс развития человечества проходит так, что Открытие, будучи примененным на практике, получает апробацию, в которой происходит уточнение Открытия относительно Откровения. Открытие человеческое всегда динамично, экспоненциально.

Бог также расширяет и Откровение, но особым образом, когда того Сам хочет.

Существует две логики человеческого познания Божьей воли:

1. Откровение на длительный, хотя и ограниченный период, константно. В этих условиях Открытие только уточняет его восприятие (например, Закон Моисеев как Открытие, передавшее Откровение, длительное время (т. е. до прихода Иисуса Христа) только познавался и переживался с помощью Открытия);

2. Откровение расширяется, и Открытие должно учитывать как это обстоятельство, так и несовершенство человеческой природы, познающей Откровение (человеку нужно преодолеть две трудности одновременно; пример – время

Нового Завета для Израиля, когда происходит резкий скачок в Божьем Откровении, и его нужно было осваивать через познание и переживание в виде Открытия).

Церковь Христова в послепостольский период снова оказалась в ситуации константного Откровения Божьего. Она может уточнять его понимание и заниматься практикой применения, но нового Откровения со времени последнего апостола нет.

Таким образом, можно говорить, сравнивая представления Израиля и Церкви в целом, как различия, имеющие в основе революционное расширение Откровения (произведенное Иисусом Христом), и различия внутри представлений Церкви – как имеющие природу уточнения Открытия относительно константного Откровения, данного Мессией.

4.2. Об Открытии и культуре

Открытие – это всегда шаг веры, но веры в общепсихологическом смысле этого слова. Природа человеческого мышления требует установления аксиом, оснований, которые являются просто наблюдениями, которым отдается предпочтение после определенной мыслительной работы и которые впоследствии не изменяются. Открытие относительно Откровения формирует Догмат (др.-греч. *dogma* – мнение, учение, решение). Это действие, подобное действию судьи, избирающему наиболее соответствующее ситуации решение. Оно – решение веры в общепсихологическом смысле. Вера принимает нечто как истину (т. е. адекватное отражение реальности), но отличие веры от суеверия в том, что у истинной веры есть достаточные основания, а у суеверия – нет.

Понятие Догмата уже понятия Открытия, так как фиксирует решение конкретных людей в конкретной ситуации. Открытие предстает в форме Догмата. Для человеческой практики мыслители вырабатывают множество Догматов. Догматы появляются различным образом, например, через размышления наиболее одаренных людей, которые принимаются сообществом как вполне соответствующие практике сообщества. Догматы нередко бывают более движениями сердца (страстями), нежели доводами разума, но они начинают работать как неизменные основания. Догматом может стать многократно повторенная практика – обычай. В свою очередь, Догматами становятся решения

судьи или общественного лидера и т. д.

В больших централизованных системах Догматы координируются.

Догматы – столпы культуры, ее каркас. Действия людей в сообществе есть культурное творчество (отдельных личностей или субсообществ). Множество факторов исторической реальности воздействует на людей, и они, руководствуясь обычаями, решениями судей, правителей, догматами веры и другими факторами этого ряда, живут, принимая множество решений вторичных по отношению к каркасу культуры.

Естественно, что когда возникают проблемные ситуации внутри культуры, происходит апелляция к авторитетам догматического уровня (в широком смысле этого слова, относящимся не только к религиозной жизни, а ко всей практике сообщества).

Однако, соотнесение аргументов из разных культур с разными догматическими основаниями и, тем более, разным опытом не может быть продуктивно. Именно этот процесс и происходит в дискуссии православных, католиков и протестантов.

Дело осложняется еще и тем, что все из этих религиозных культур ориентируются на Божью волю, Откровение, но при этом неспособны признать право христиан из других культур слышать Бога их оригинальным образом, равно как и действовать в соответствии со сделанными Откровениями.

4.3. Динамика жизни церковных культур и их смен

Церковные культуры в большинстве случаев привязаны к более широким человеческим культурам и являются их частью. Иначе и быть не может, так как отношения с Богом являются свойством человека как существа.

По этой причине необходимо учитывать влияние на человека всех факторов жизненной ре-

альности, которые затем отражаются в собственно религиозной практике.

Естественно, что на культуры стран (или групп стран), в которых развивались всякий раз преимущественно православие, католицизм, протестантизм, существенным образом оказали влияние эти формы христианства. Но печальным оказывается факт, что возникшие церкви ценят более свое культурное своеобразие, нежели общую духовную основу Евангелия.

Существенно то, как формируются культурные формы христианства. Они, как связанные с культурой страны, обязательно испытывают влияние всех факторов, влияющих на развитие народов, – экономических, географических, политических, социальных. Всякий раз исторические ситуации дают не только различные наборы факторов и их вкладов в культуру исторического момента, но и духовную реакцию на них (новые страсти). Сложившиеся национальные культуры «чувствуют» новую ситуацию в соответствии с духовной парадигмой, лежащей в основе духовного генотипа народа и только корректируют представление о жизни на ее основе (корректируют Открытие). Однако, возможно и возникновение новых культур, которые чаще всего являются ростками, побегами от старых, но усваивающими новую парадигму времени. Возникает разрыв, новые основания для Открытия, новых Догматов, новое культурное творчество.

В человечестве есть культуры, уходящие корнями в тысячелетия (например, китайская, индийская, иудейская), и есть культуры, не просто производные от них, но революционно противостоящие им. Революции совершались под влиянием смены географии, типа экономической деятельности, мировоззренческих обновлений.

В христианстве все эти события отразились на национальных церковных культурах. Если в культурах имперского типа, старых и современных, само государство было заинтересовано в единстве мировоззрения, общественной культуры, то и христианские культуры стремились к унификации вероучения и церковной практики. Когда в рамках политических альянсов происходило взаимодействие уже сложившихся христианских культур (например, православия и католицизма, выразившегося в результирующей форме униатства; или католицизма и протестантизма в США), то Открытия и Догматы относительно Божьей воли и Откровения начинали включать и новые влияния от других Открытий и Догматов.

Напомним, что предметом данной статьи является не столько исследование уникальных исторических практик-культур, сколько поиск ответа на вопрос «Каковы возможности плодотворного сосуществования и взаимодействия различных церковных практик, традиций, преданий?»

Историческим фактом современности является стремительно увеличивающееся многообразие мировоззренческих реакций на жизнь. Все вместе они в той или иной мере стремятся дать верную реакцию на глобальную ситуацию. В этих условиях христиане не могут более спокойно чувствовать себя в рамках личного, семейного, общинного, деноминационного, конфессионального, церковного (мегаконфессионального) мировоззрения. Вызовы христианству – это вызовы альтернативных мировоззренческих систем, которые в иных случаях вообще отвергают существование Бога, а в иных снимают задачу ответственности перед Ним. Борьба мировоззренческих парадигм сопровождается борьбу культур сообществ за доминирование. И для оппонентов уже важна не столько победа истины, сколько политическое самоутверждение.

Но христианство осознает себя верным Божьему предназначению о человечестве в его истории, устремляющейся в будущее, в Царство Божье. Это не только верность Богу, это верность проекту Великого поручения Иисуса Христа (Мф. 28:18-20), это верность приготовления Церкви-Невесты к небесному браку Агнца Христа.

Иными словами, Церковь не может просто следовать за борьбой национальных или глобальных элит, она должна, познавая Божью волю, освящать человеческое общество, направляя его к реализации Божьего наказа Адаму, хозяину земли. Человечество должно дать отчет Богу об управлении землей во время, предоставленное Богом, и Церковь является лидером этого процесса, так как она состоит из людей, примирившихся с Богом, наполненных Святым Духом и посвятивших себя исполнению Божьего замысла.

Единство непохожих – это принцип для решения современной проблемы Церкви.

5. Современная российская духовная христианская культура внутри себя и в культуре общества

Современная христианская культура включает в себя три основных христианских церкви – православную, католическую и протестант-

скую. Доминирующей национальной ветвью, сформировавшейся от византийского импульса, является Русская православная церковь. Ее традиция самым непосредственным образом связана с жизнью российского государства, российского народа.

Предание Русской православной церкви вобрало в себя не только византийский подход к Божьему Откровению, но и староцерковный. Вместе с тем, большое влияние оказали собственно славянское начало, связанное с кирилло-мефодиевской Библией, а затем деятельность Московского государства и Российской империи.

Этот образец христианской культуры переживал свои кризисы. Пожалуй, самым сильным был кризис коммунистического периода, так как совершился массовый отход россиян от христианства и религии в целом. Адекватность новой реальности постсоветского времени, адекватность в соответствии Божьей воле – большой вызов времени. Можно предполагать, что традиционные рецепты предыдущих веков могут оказать только частичную помощь. Но поиск должен, прежде всего, иницироваться самой Русской православной церковью, так как в противном случае даже добрая помощь со стороны других христианских церквей будет восприниматься ею как попытка доминирования.

Католическая традиция в России (особенно после разрушения Советского Союза) – это более присутствие отдельных представителей католицизма на территории иной религии, чем функционирование реального российского католицизма. После ухода Прибалтики, Украины и Белоруссии деятельного участия католицизма в Российской Федерации нет. Но, естественно, российские католики должны развивать парадигму национальной российской католической церкви, так как в противном случае трудно ожидать даже не роста, а просто существования католической модели христианства в России.

Протестантская традиция в нашей стране могла бы оказаться в положении католической, но ее природа сложнее католической. Как уже говорилось выше, католицизм есть развитие все той же старохристианской парадигмы, как и православие, а евангелизм – это альтернатива этой парадигме.

Протестантизм вошел в евангельскую традицию двумя веками позже ее возникновения на Руси. В евангельской традиции есть ответ на жгучий вызов, который звучит в адрес старох-

ристианских церквей – протест против отхода Церкви от Евангелия. Дело не в авторитете традиции (евангельские христиане имеют свои сложившиеся и уже устаревающие традиции), дело в том, что человеческая практика Откровения, процесса догматизации и культуры должна постоянно поверяться Откровением. А Священное Писание ближе всех письменных источников, которыми пользуется Церковь, стоит к Божьему откровению (особенно откровению новозаветного типа).

В Ветхом Завете голос пророков звучал постоянно, чтобы могла произойти оценка соответствия жизни Израиля Закону Моисееву. Налицо принцип некоторой ущербности авторитета человеческой практики, и эта ущербность преодолевается вмешательством Божьего слова, однажды зафиксированного в неизменной форме как эталон. Таким образом, протестантизм продолжает использовать для ответа на сущностный запрос Церкви как целостного организма «Верна ли она Откровению Иисуса Христа?» обращение к Священному Писанию.

Но, как уже и отмечалось выше, российская христианская Церковь не может удовлетвориться только мирным сосуществованием своих различных мегаконфессиональных форм. Бог включил членов Церкви в общество, и Его воля о человеческом обществе не отменилась. Адам был призван отвечать за всю землю; российские христиане должны отвечать за исполнение Божьего наказа Адаму на территории России.

Вызовы современности состоят в том, что не может быть более моноцерковной страны. Не может быть и монорелигиозности. Церковь

Христова находится в конкурентных отношениях с другими религиями и мировоззрениями. По этой причине базовые установки ее церковной парадигмы должны включать как объект весь российский народ (от атеиста и постмодерниста до шаманиста, буддиста, мусульманина, иудея). Церковь должна показывать, как человек, созданный по образу Божьему, исполняет волю Господа на земле, ту волю, которую неосознанно или осознанно исполняет все население России.

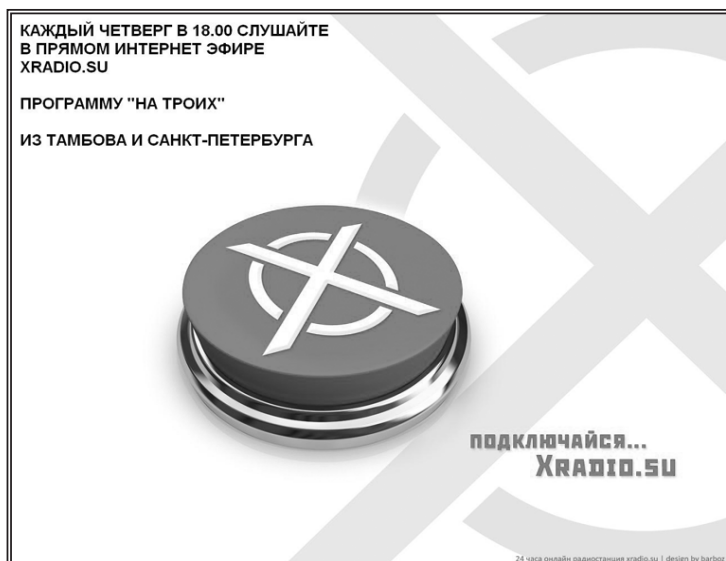
Исполнение воли Божьей в контакте с Богом всегда продуктивнее, чем силами только самой человеческой личности. Церковь должна, познавая Бога, показывать пример Божьего отношения к человеку (свободному делать добро и зло). Она в лице христиан должна показывать, что представляет собой не хищническое отношение человекобога к дарованной ему Богом реальности, а хозяйское, рачительное, заботливое отношение существа, которому Бог вверил ответственность за часть сотворенного Им мира.

Методы доминирования (государственного, мировоззренческого) изжили себя. Люди эпохи постмодернизма хотят признания за ними права выбирать свой собственный путь, а всякий иной – только по причине свободного убеждения, а не насилия. По этой причине необходимо сохранение и развитие всего, что работает в уже утвердившихся традициях, и создание нового ответа, основанного, прежде всего, на Откровении.

Обетованием Божьим благословение всех желающих исполнить волю Божью является Его поддержка («И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас. А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни просили, – знаем и то, что получаем просимое от Него» – 1 Ин. 5:15).

Справедлив призыв Лозаннской конференции 1974 года – «Вся Церковь несет все Евангелие всему миру», – который может стать решением для современной российской Церкви.

*Александр ФЕДЕЧКИН,
Москва*

Лютер и Фауст

Два непримиримых оппонента

О принципе антитезы

Философы давно заметили: то, что не могут объяснить ни тезис, ни антитезис, используемые по отдельности, прекрасно объясняет составленная из них двоих общая антитеза. Она являет собой что-то вроде ключика, способного отворять немало заветных дверей.

В свое время Гегель оказался настолько очарован эвристической мощью принципа антитезы, что выстроил на его основе колоссальную теоретическую конструкцию – собственную философско-методологическую систему. Идея противоречия как универсальной бытийной и познавательной структуры заняла в этой системе центральное место.

Последующая невероятная популярность гегелевской диалектики не была беспочвенной. Объяснительные ресурсы принципа антитезы оказались чрезвычайно значительными. Он действительно великолепно работал и многое прояснял.

Со времен Гегеля минуло почти два столетия и его экстраординарная философская слава давно вошла в берега обычной известности мыслителя-классика. Однако принцип противоречия (антитезы) не утратил своих эвристических возможностей. Подобно какому-нибудь выдавшему виды барометру или старой астрологии он и по сей день способен исправно выполнять свои функции, помогая тем, кто желает воспользоваться его аналитическими возможностями.

Если перед нами горы сложнейшего материала, и мы не знаем, как к ним подступиться, то принцип антитезы оказывается как нельзя кстати. Он позволяет проделать первичное раскладывание этих груд по своим полочкам. Это относится к любому материалу, в том числе к гуманитарному, философскому и даже богословскому.

Если перевести эти, в общем-то, нехитрые рассуждения с языка философской методологии на теологический язык, то получается, что процессу богопознания обязательно будут сопутствовать размышления о природе греха. Ищущая мысль будет то вольно, то невольно с какой-то фатальной неизбежностью отклоняться от магистрали богопознания и устремляться

то к одним, то к другим совершенно, казалось бы, посторонним и недостойным предметам. Она будет раскачиваться из стороны в сторону, спотыкаться, вихляться, перескакивать, падать в бессилии и т. д. и т. п.

Все эти девиации будут означать лишь одно: человек, даже если он занят таким возвышенным и благородным делом, как богопознание, все же остается носителем огромного количества всевозможных недостатков собственной природы, обладателем антропологических изломов, духовных изъянов и прочих неприятных дефектов, которые будут непременно мешать полетам его духа.

Не замечать досадных препятствий и девиаций почти невозможно. Поневоле приходится размышлять над их природой, над тем, как они связаны с благими намерениями богопознания. В результате образуется искрящаяся и бьющая током мысленная сцепка между всеблагим Богом и грешным человеком, которому приходится наблюдать собственную греховность даже при самых благоприятных жизненных обстоятельствах.

От этой исходной антитезы, от этого фундаментального противоречия между благим Богом и греховным человеческим существом веером расходятся множество других, более частных антитез, над природой которых надо размышлять.

Лютер и Фауст как тезис и антитезис

Когда Реформация произвела мощный взрыв яркого духовного света, когда вспыхнуло, как бы заново, сияние Благой вести, это не могло не вызвать ответной реакции со стороны сил тьмы. Силы зла, слишком могущественные, влиятельные и агрессивные, чтобы оставлять без ответа порывы людей к Богу, двинулись в контратаку.

Чтобы противопоставить Лютеру равновеликую фигуру столь же могучего интеллектуала-пассионария, духу зла предстояло потрудиться. Однако в реальной жизни личности такого же масштаба, что и Лютер, не нашлось. Тогда европейское коллективное сознание, сторонящееся Бога и Библии, двинулось другим путем и фактически сконструировало лютеровского антипода при помощи средств художественно-философского воображения. В XVI веке одним из ответов на провозглашение лютеровского Божьего тезиса стала презентация демонического антитезиса, сконцентрировавшегося в символическом образе Фауста и в фаустовской идее.

Из маленькой человеческой личинки немецкого провинциального чернокнижника постепенно образовался гигантский символический образ могучего интеллектуала-богоборца. Явился еще не виданный Европой религиозный и экзистенциальный тип, которого ожидало великое и ужасное будущее.

У реального профессора Виттенбергского университета Мартина Лютера объявился духовный антипод – его полулегендарный современник доктор Иоганн Фауст (Фаустус), тоже ученый и тоже биографически привязанный к Виттенбергу.

О Фаусте нередко рассуждают как о символическом олицетворении атеистической эпохи европейского Просвещения XVIII века. Вероятно, это связано с тем, что именно на ее протяжении рождались лучшие части мистерии Гёте «Фауст».

Однако подобное толкование является излишне зауженным. Фауста вообще не следует привязывать к культуре какого-то одного из конкретных периодов нового времени. Он – художественно-метафизическая универсалия. Он – всеобъемлющий образ-символ имморального, демонизированного человеческого разума, открыто перешедшего на сторону сил зла и надеющегося с их помощью обрести все блага жизни.

Трудно отыскать более непримиримых оппонентов, чем Фауст и Лютер. И совсем не важно, что в реальной жизни они не дискутировали друг с другом. Не слишком важно и то, что рядом с реальнейшим Лютером фигура полумифического Фауста выглядит художественно-философской выдумкой.

Важно то, что в действительной жизни европейского духа они оказались в прямой, непосредственной и крайне жесткой оппозиции. Непримируемая духовная война сил, представляемых этими яркими выразителями полярных умонастроений, стала характерной особенностью европейской культурной истории на протяжении пяти столетий.

А теперь немного конкретнее

Между фигурами Лютера и Фауста много поразительных сходств, дающих основание поставить их напротив друг друга и провести сравнительный анализ. Он обещает небезынтересные результаты.

Итак, оба наши героя – немцы. Оба – ровесники: Мартин Лютер (1483 – 1546) Иоганн Фауст

(ок. 1480 – 1540). Оба – одаренные и высокообразованные интеллектуалы, защитившие диссертации, имеющие ученые звания: Лютер – профессор, Фауст – обладатель докторской степени.

Судьбы обоих связаны с Виттенбергом: Лютер практически всю жизнь преподавал в тамошнем университете, а на одной из улиц Виттенберга по сей день стоит дом с мемориальной доской и надписью о том, что Фауст проживал в нем с 1525 по 1532 гг. Оба – книжники, любящие и умеющие работать с текстами. Оба – пассионарии, обладатели сильных, волевых, целеустремленных натур и неукротимых характеров. Обоим присущ дух поиска и оба неустрашимы в своих исканиях.

На этом их сходство заканчивается, а далее начинаются различия. Самое кардинальное из них – это полярность их главных жизненных выборов. Лютер выстраивал свою духовную, творческую, интеллектуальную жизнь как ученый-теолог и реформатор, будучи в твердом завете с Богом. Фауст искал наслаждений и утолял свои страсти, двигаясь в противоположном направлении, поскольку заключил договор с дьяволом. Последнее обстоятельство стало главным фактом его биографии, притягивающим не ослабевающее внимание к его личности по сей день.

Лютер пребывал в состоянии непримиримой духовной войны с князем тьмы и ни за что не продал бы ему свою душу. Фауст же легко пошел на сговор с темной силой и без особых колебаний заложил ей свою бессмертную душу.

Лютер и Фауст жили в одном физическом и социальном мире, но в разных духовных мирах. У них оказались до того непохожие картины мироздания, взгляды на человека, культуру, познание, как если бы они были жителями разных планет.

Трудно найти более несхожие траектории духовных исканий и земной жизни, чем у Лютера и Фауста. Лютер – это устремленность ввысь, к свету, к Богу. Фауст – траектория падения в самый низ, в inferнальную тьму, в преисподнюю.

Каждый из них – настоящий кладень нетривиальных экзистенциальных сюжетов. В пространстве личной свободы Лютера господствует Бог. В пространстве личной свободы Фауста господствует дьявол. Лютер – это свобода в Боге. Фауст – это рабство в сатане и грехе.

Внутренняя жизнь Лютера центростремительна. Для него центром, притягивающим все его устремления, выступает только Бог.

Внутренняя жизнь Фауста, напротив, центробежна. Его «я» бежит от Бога, влекомое туда, где угасает Божий свет и начинается царство мрака. Отсюда несходство оптик жизнеосприятия каждого из них. В отличие от геоцентричного мира Лютера, мир Фауста децентрирован, ацентричен и одновременно эксцентричен – в том смысле, что устремляется прочь от всеобщего центра, норовит вырваться за пределы объективно геоцентричного мира. То есть Фауст по всем меркам, духовным, интеллектуальным, этическим – тип человека-эксцентрика.

Лютер – дерзновенный воин Христа, неустанно размышлявший над Словом Божиим. Фауст – дерзкий богоотступник, прислужник князя тьмы, погружившийся в чернокнижие с его тьмой магических смыслов.

Путь, который влечет Лютера, – это стезя духовного просветления. А Фауст встал на путь все более усугубляющегося духовного помрачения. Так и не узнавший живого Бога, несмотря на то, что в его жизни был период занятий богословием, он выглядит, при всей его внешней расторопности, духовным мертвецом.

Лютер ясно сознавал и твердо веровал в исцеляющую силу Благой вести. Фауст же избрал своим куратором злую трансцендентную силу, способную совершать лишь то, что травмирует человека, убивает в нем все человеческое, готовит из него будущего обитателя преисподней.

В отличие от Лютера, надеющегося верой в Иисуса Христа заслужить самые высшие из Божьих даров, Фауст пожелал приобрести все возможные блага с помощью Божьего архиврага и собственного богоотступничества.

То есть ясно видно, что линия демаркации между Лютером и Фаустом пролегает по самому серьезному, главнейшему духовному рубежу, важнее которого нет ничего.

Если Лютер – христианин, проживший свою жизнь в завете с Богом, то Фауст – богоотступник, за-

ключивший сделку с дьяволом, заложивший свою бессмертную душу.

Если Лютер непоколебимо уверен в том, что нужно хранить верность Богу и нельзя ни в коем случае иметь какие-либо общие дела с дьяволом, то Фауст, напротив, является пленником иллюзии, будто от веры в Бога человеку нет никакой ощутимой пользы, а вот от союза с дьяволом можно приобрести немало выгод для себя. Подобная, в буквальном смысле дьявольская, иллюзия становится его последним духовным прибежищем, в котором он проживает вторую половину своей земной жизни, чтобы затем отправиться в ад.

Между тезисом и антитезисом такого рода, не может быть примирения. Данная антитеза есть решительная, принципиальнейшая оппозиция. Это бескомпромиссный антагонизм, который не может разрешиться синтезом противоположностей ни на земле, ни на небесах.

Как Лютер и Фауст читали Библию

Лютер искал Божью истину в Боге, у Бога, в Слове Божьем, через Слово Божье. При продвижении по зонам поисков главным инструментом для него было сосредоточенное, размышление над библейским текстом, углубленное исследование Священного Писания.

В своем духовном поиске Лютер двигался в строгом соответствии с евангельскими ориентирами, прилагая невероятные духовные усилия,

Юридическая компания
«ЛЕГИСПРО»

www.legispro.ru

Мы оказываем помощь в различных юридических вопросах, в том числе:

- Земельных
- Административных
- Гражданских
- Жилищных
- Коммерческих
- Наследственных
- И других юридических вопросах

Наши контакты:

Мобильный: (812) 925-44-33
Рабочий: (812) 920-21-90
Телефон/факс: (812) 570-01-90

Адрес:

м. «Адмиралтейская»
Санкт-Петербург, ул. Малая Морская, д. 16
(вход с улицы; 1-й этаж; на домофоне № 1)

чтобы не сбиваться и не терять их из виду. Для него образцами такой изыскательской стратегии служили апостол Павел и Аврелий Августин.

Какое-то время Лютера смущал казавшийся ему непреодолимым разрыв между праведным Богом и тем грешным человеком, каким он себя ощущал и сознавал. И вот однажды, когда он размышлял над Посланием к Римлянам апостола Павла, его внезапно осенило. Фраза Павла «Праведный верою жив будет», подобно лучу света, прорезала густой сумрак его сомнений и страхов. Он понял: личная вера – вот тот краеугольный камень, который составляет самое достойное основание земной жизни и самый надежный гарант будущего спасения.

Лютер относился к Писанию с благоговением, и Бог даровал ему истинное откровение: «И тут я вдруг почувствовал, что переродился заново и вошел в сам рай через открывшиеся вдруг врата. Мне вдруг совершенно по-иному открылось все Писание... Это место из Павла стало для меня воистину дорогой в рай».

Фауст, в отличие от Лютера, который вел свой духовный поиск в пространстве библейско-христианских смыслов, не пожелал в нем пребывать. Ему, сделавшему магию своим главным занятием, ищущему истину на территориях нечистого духа, в занятиях чернокнижием, хотелось погрузиться в демоническое пространство совершенно иных, затемненных и извращенных смыслов, в область соблазнительных, подложных ценностей и дезориентирующих, превратных норм.

Примечательно, что когда Гете описывает Фауста, готового вот-вот начать переворачивать Библию, его уже поджидает демон Мефистофель, чтобы подхватить и увлечь в свой искустельный мир, живущий по другим, отнюдь не божеским законам.

Фауст читает Библию совсем не так, как великий реформатор. В отличие от Лютера, доверявшего каждому слову Богу, Фауст при чтении Священного Писания исполнен недоверия, скепсиса, сомнений. Он ведет себя с Богом так, как будто имеет дело с недобросовестным лавочником, норовящим его обмануть, обвесить, обсчитать. Он своевольно перемещает Божье Слово из трансцендентной реальности абсолютной истинности в реальность профанную, где все относительно, и начинает насмешливый, скептически-иронический спор с ним.

Гете подробнейшим образом изображает сце-

ну, в которой Фауст собирается заняться переводом Нового Завета на немецкий язык (тоже переключка с Лютером):

Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,
Проникнусь весь святою стариной,
И честно передам я подлинник священный
Наречью милому Германии родной.
(Открывает книгу и собирается переводить.)
Написано: «В начале было Слово» -
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало.
Я напишу, что Мысль – всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалека!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли – начало всех начал?
Пишу – и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул – и выход вижу смело,
Могу писать: 'В начале было Дело'!

Если в начале сцены Фауст слегка похож на Лютера, которому принадлежит заслуга перевода Библии на немецкий язык, то в конце он напоминает уже Льва Толстого, привнесшего в собственный перевод Евангелий много кошунственной скверны. И происходящее объяснимо: в то самое время, когда Фауст сидит с книгой в руках, в его кабинете уже присутствует нечистый дух в виде забежавшего черного пуделя. Через несколько мгновений ученому впервые явится Мефистофель и начнется их диалог. Разумеется, в условиях такого неблагоприятного соседства уже не может быть речи о сохранении верности Божьей истине.

Фауст, хотя и изучал богословие, не испытывает к Писанию никакого благоговения. Для него это обычная книга, с автором которой можно не соглашаться, дискутировать. Он не запрещает себе даже исказить ее смыслы. Потому для Лютера Слово Божье стало «дорогой в рай», а для Фауста через его надменно-скептическое отношение к Библии пролегла дорога в *inferno*.

Лютериана как тезис и фаустиана как антитезис

Лютер и Фауст – это не просто олицетворения двух типов экзистенциалов. Это два духовных полюса, два лица западной цивилизации, два имени-символа, за которыми стоят противоположные пути развития европейского духа.

То, что в реальной жизни и культуре нового времени лютеровское и фаустианское постоянно оказывались рядом, рождало неисчислимое множество трагических коллизий.

Реформация развернула лютеровскую идею в общеевропейскую лютерияну, демонстрирующую неиссякаемую плодотворность, высокую созидательную функциональность Благой вести. В ряде европейских стран возникло широчайшее евангельское движение, чьей главной задачей и целью стала актуализация Благой вести в динамично меняющихся социальных условиях.

Фаустовская идея, напротив, обнаружила противоположный вектор. Она стала движущей силой процесса секуляризации, изыскивающего самые разные средства по дезавуированию Благой вести, по дискредитации библейско-христианского духовного наследия, по превращению христианской цивилизации в постхристианскую. Те, кто пытаются изображать этот процесс как нечто позитивное и прогрессивное, упускают из вида его мифистофелевскую, демоническую подоплеку. Ведь речь идет не столько о Фаусте, сколько о дьяволе, восставшем против Благой вести, лютеровской идеи и евангельского движения. Фауст же – всего лишь его резидент, орудие, антропологический таран.

Фаустовская идея есть, по своей сути, идея фаустовско-мифистофелевская, то есть человеческая снаружи и дьявольская внутри.

Именно этим объясняется то, что на протяжении вот уже пяти веков фаустовская секуляризация сопровождается мощной, разносторонней, изощренной апологетикой зла во всех его возможных видах. Никогда еще христианский мир не знал ничего подобного. Никогда еще человек с таким рвением и упорством не защищал свое право жить не по Божьим заповедям, а в грехе, в пороках и преступлениях.

Фаустовская идея – это идея человеческой трансгрессии, заряженной демонизированными потребностями, интересами и страстями, не считающимися ни с религиозными, ни с нравственными, ни с правовыми ограничениями и запретами.

Фаустиана ринулась наперерез лютерияне. Злая весть, расписывающая прелести богопротивного существования, намеревалась во что бы то ни стало заглушить Благою весть. Открывалась эпоха, где Фауст стал олицетворением новой фазы люциферианского бунта, его символом и знаменем.

Стоило Реформации решительно обозначить те духовные ориентиры, о которых человек должен всегда помнить, как тут же, практически сразу же обнаружился фаустовский контррезис, нацеливающий человека на движение к совершенно иным рубежам.

У Благой вести было великое земное прошлое еще до Реформации. И ее ждало столь же великое будущее. У фаустовской идеи было страшное земное, каиновско-вавилонское прошлое. Но будущее, которое ее поджидало и которое пришло в последующие века, оказалось не просто страшным, но чудовищным.

Затянувшийся фаустовский бум

В культуре нового времени мало найдется образов, которые могли бы соперничать с Фаустом своей способностью привлекать к себе столь пристальное и устойчивое внимание. Фаустиана притягивала многих писателей, поэтов, мыслителей, композиторов, художников. Большинство из них и сами не могли объяснить природу того неизъяснимого притяжения, которое они испытывали, обращаясь к фаустовской теме.

Приходится констатировать, что именно с таким духовным багажом цивилизация, имеющая христианскую генеалогию, пришла к третьему тысячелетию – пришла с Фаустом и практически без Лютера.

Что же стоит за нескончаемым фаустовским бумом, длящимся четыре с лишним столетия? Почему этот бум сопровождал всю эпоху европейского модерна от начала до конца и затронул, помимо западного, также и русское сознание?

Для обладателей христианского мировоззрения ответ на этот вопрос звучит достаточно однозначно: за экстраординарной популярностью фаустовско-мифистофелевской темы маячит призрак той самой духовной войны, в которой дьявол с Богом борется. Он стремится всеми силами и любыми способами обесценить, вытеснить Благою весть и утвердить на ее месте собственную злую весть о том, что «Бог умер», а князь тьмы жив.

Что касается секулярного сознания, то для него богоборческий настрой фаустианы-мифистофелианы не всегда очевиден, не очень важен и совсем не интересен. Они готовы упиваться внешней эстетикой и этого им достаточно. Тем более, что проводниками фаустовской эстетики часто выступают действительно яркие художественные таланты и одаренные философские умы.

Но тут срабатывает эффект ловушки, мышеловки, капкана. Поскольку большинство творений фаустианы обладают яркими художественно-эстетическими или интеллектуальными достоинствами, то разглядеть их негативную духовную суть способны далеко не все. Не так уж много наберется трезвых и пронизательных умов, от которых эта суть не скрыта, кого не может ввести в заблуждение изощренный философско-эстетический камуфляж. В их глазах демоническая суть любых фауст-артефактов лежит на поверхности, поскольку там, где присутствует фаустианство, всегда можно разглядеть мрачную тень темного фаустовского спутника. Но подчеркиваю: эта тень проступает с предельной, ужасающей и отрезвляющей отчетливостью лишь тогда, когда мы освещаем фигуру Фауста ярким лучом Благой вести.

*Владислав БАЧИНИН,
Санкт-Петербург*

От гностицизма к богословию

К периоду первых веков по Рождеству Христову относится и другая [помимо освобождения от гонений со стороны государства] победа христианства, которая, однако, представляется не столь сокрушительной. Это победа над гностицизмом.

Разобраться в мешанине древних гностических взглядов – дело непростое. Что заставляло гностиков разрабатывать головоломные теории о демиургах, эманациях, сизигиях, плеромах, эонах и огдоадах?

Конечно, можно сказать, что гностицизм представляет собой попытку соединить христианство с языческой философией. Но такое объяснение похоже, скорее, на обыкновенный штамп, призванный огульно осудить и предать анафеме чуждое нам явление.

Чего, рассуждая по-человечески, добивались гностики? Сомнительно, что они простодушно думали: «А не соединить ли нам учение о Христе с язычеством?» В их трудах отчетливо просматривается, во-первых, намерение досконально разобраться в происхождении и устрой-

стве духовного мира, то есть в вопросах, которые Бог нам явно не раскрывает, а во-вторых, желание оказаться хранителями мистического, тайного знания, которое выделяет его обладателя из общей человеческой массы и делает «посвященным», имеющим прямой доступ к Богу.

Но с евангельских позиций такое знание выступает как интеллектуальное и обрядовое бремя. Оно воспринималось гностиками как пропуск на небеса, однако явно мешало им пройти сквозь игольные уши Нового Завета туда, где практически ничего из накопленного уже не пригодится.

Остается только удивляться настойчивости, с которой гностики выдумывали новые заслоны на пути в Царство Небесное, когда еще не успела осесть пыль от разрушения старых и Сам Царь три года учил не обрядам и мистическим знаниям, силой которых мы получаем небесное гражданство, а тому, как обращаться с самыми обыкновенными земными ценностями, чтобы обладать небесными. Прежние и нынешние гностические попытки «возвысить» Его учение до уровня человеческой науки в конечном счете приводят не к формированию богословия, основанного на имеющемся у нас откровении, а к беспочвенным вымыслам о том, каким было бы небо, если бы его сотворил человек.

Принимая во внимание притчи и наставления Христа, в центре которых обычно находится призыв изменить существо собственного отношения к Богу, к себе и к окружающим, мы вряд ли можем переносить критерии спасения из области личных отношений с Христом в богословскую или обрядовую сферу. Писание не дает достаточно оснований полагать, что спасения лишатся те, чей ум окажется не в состоянии разбраться в деталях изощренных богословских дискуссий (и наоборот – что, например, догматы о Троице сами по себе гарантируют спасение).

Тем не менее Церковь просто вынуждена была противопоставить гностическому знанию самую величественную из доступных ей логических систем и позаимствовала для борьбы с гностицизмом сложившиеся в греческой философии представления и подходы. Однако при использовании этого весьма многообещающего способа осмыслить и закрепить христианскую истину появилась опасность смешать слово откровения с теми человеческими рассуждениями, которые весьма впечатляют своей ученостью, но при этом могут заслонить многословием и научной терминологией те простые еван-

гельские постулаты, с которых начиналось и к которым должно было привести богословское рассуждение.

Мы неизбежно погрешим против истины, если будем подходить к Писанию как к научной работе, автор которой стремился во всех тонкостях охарактеризовать процесс сотворения неба, земли и человека. И мы можем прийти к точно таким же, гностического плана, ошибкам, если будем безоглядно сверяться с категориями и понятиями греческой философии, желая рассказать о тайнах Божьего бытия и разложить по полочкам процесс спасения.

Многие богословы понимали философию как дар Божий, готовящий к принятию Христа (иногда даже сама греческая философия рассматривалась как откровение, которое Бог специально предусмотрел для того, чтобы Его откровение было правильно понято). Однако сам факт использования философии в богословии неизбежно должен сопровождаться осознанием того, что выполняемое на основе греческой или любой другой философии переложение библейской мысли чревато погрешностями.

Философия – это система миропонимания, выработанная человеком, и она вовсе не обязана напрямую соответствовать категориям, понятиям, терминам Божьего откровения и явлениям небесной жизни.

Если гностики добавили к христианству чуждые ему и надуманные знания о духовной действительности, то богословие попыталось вписать христианскую веру в систему греческих философских категорий, вопросов и ответов, которые использовались при изложении человеческой мудрости. Однако у библейского знания уже существовала родная ему система категорий, которая была предложена Самим Богом в Ветхом Завете. В этой системе присутствовали такие категории, как пренебрежение волей Бога (грех), жертва за грех (искупление), верность Богу, праведность, спасение, закон, царь (господин) и т. д.

В этой системе категорий единение с Христом обеспечивается не догматической, детально разработанной теорией спасения или впечатляющими обрядами, а принадлежностью к царственному священству. Священством Христа провозглашается основанное на принципе любви тождество священника и жертвы, и оно доступно каждому человеку, который согласится вслед за Христом принять на себя обе эти обязанности.

Исчерпав закон наказания за грех, Христос заменил систему судопроизводства. Если раньше на первый план отношений с Богом выходили грехи, то теперь отношения благодати соединили в каждом человеке закон, священника и жертву одновременно и мы получили свободу сами принимать решение о приносимых нами же самими жертвах и покаянии. Это уже не условные, отвлеченные приношения животных, прилагающиеся к перечню грехов в знак почтения Божьей святости, а посильные нам исправляющие наш или чужой грех дела любви.

Любые добавления или переименования этой системы удаляют человека от истины. Хотя апостол Павел и был наставлен в еврейской мудрости, он почел за лучшее «не знать ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». Этого основания ему было достаточно для благовестия, которое пронизывалось осознанием небесной истины, но было близко всем слушателям именно потому, что в подавляющем большинстве случаев не выходило за рамки чисто земных и бытовых ситуаций. Умение Павла подвести человека к вечной жизни без философских обобщений и отвлеченных категорий было явно позаимствовано у Христа, и на нашу долю остается идти по непосредственно указанному пути, а не надеяться, как гностики, что недоговоренные тайны Писания помогут нам открыть обходную дорогу на небо или превознестись над окружающими.

Богословие – это изучение полученного от Бога откровения и закономерностей христианской жизни с помощью доступных человеку возможностей, но богословским знанием нельзя заменить христианского служения. На церковь действительно возлагается крайне важная задача – хранить истину неповрежденной, но эта истина хранится отнюдь не в форме логических понятий или образных преданий. Пилат, вопрошавший, что есть истина, и готовившийся получить в ответ очередную порцию человеческих умозаключений, так и не дождался того, чего ожидал.

Магазин секонд-хенда

«Мост дружбы»

открыт при поддержке христиан Швеции.

Адрес: Финляндия, Лаппеенранта, р-н: Lauritsala,
Luukkaantori 7 LH 5.

Телефон в Финляндии: +358 040 5646256

Время работы: Вт.-Пт. 11.00-18.00, Сб. 11.00-15.00

Контактный тел. в Выборге: +7 905 2218483 – Игорь

Гностики приписывали теоретическому знанию исключительно высокую роль, но в христианстве роль богословия как знания об откровении никак не может подменять собой само откровение. Богословие по своему предназначению должно содействовать приближению людей к Богу, но от того, что оно одержало победу над системой гностического знания, границы его действия ничуть не расширились. Церковь получила возможность осознать, сколь большое значение могут сыграть философия и богословие в случае разногласий при теоретическом осмыслении христианской истины. Но, вместе с тем, безрезультатностью гностических устремлений был явлен предел, за который богословие выходить не может.

Да, многим из нас очень хотелось бы проникнуть в тайны земной или небесной духовной жизни, и мы часто задаемся вопросами, о которых в Писании сказано очень мало или вообще ничего не сказано. Наш разум стремится посредством изучения Божьего откровения логически вывести что-нибудь определенное о вещах, которые для нас просто закрыты. И вероятно, важнейший урок гностицизма состоит в том, что во всяком размышлении богословского или общехристианского характера мы должны спрашивать себя: достаточно ли у нас отпущенных Богом сведений, чтобы вынести обоснованное и однозначное суждение – или же мы находимся в плену человеческих фантазий и ставим вопросы, которые могут только посеять смуту в умах и разделить церковь.

К сожалению, надо признать, что далеко не все церковные дискуссии последующих веков отвечали этому критерию. Грань между откровением и учением о нем постепенно размывалась. Вопрос о возможностях богословского познания и о роли богословских разногласий стал решаться иерархическими способами, причем нередко учение об откровении довлело над принципами самого откровения, а в результате предложенный Богом путь познания истины и спасения вытеснялся человеческим познанием об этом пути и решался с позиции власти и силы.

Учитывая последующую превознесенность богословия, которое стали величать царицей наук, и помня, что логическое толкование и философское осмысление неоднократно оказывались в церковном сознании важнее межличностных отношений и могли заслонять или затуманивать в человеческом сердце образ и пример принесенной Христом жертвы, мы

вполне можем сказать, что гордиев узел гностицизма был перерублен дамокловым мечом греческой философии и победа над гностическим знанием была одержана лишь наполовину, поскольку в результате богословское знание закрепилось в церкви на позициях, фактически позволивших ему ограничивать веру, действующую любовью.

Юрий ЦЫГАНКОВ,
Санкт-Петербург

Из сборника статей «Церковное время власти и традиции», www.versussusrev.ucoz.ru

Про «это»

Гомосексуализм. Одно лишь упоминание этого слова заставляет многих встрепенуться и насторожиться. Это козырный жупел сторонников борьбы с упадком морали административными методами.

В то же время некий заговор молчания окружает тему гомосексуализма в сфере библейского назидания. Отсутствие твердого фундамента порождает среди христиан неуверенность, неопределенность и даже смущение. В результате одни постоянно призывают к крестовому походу против «всепоглощающей угрозы»; другие предпочитают избегать темы, дабы не попасть под раздачу, став жертвой перекрестного огня.

Но ни бегство от проблемы, ни попытка загнать ее в подполье не решат саму проблему. Давайте же попытаемся разобраться: каким, в соответствии с откровением Божьим, должно быть наше отношение гомосексуализму вообще и к гомосексуалам в частности – как в церкви, так и в обществе.

1. Ничего нового

Пожалуй, самым популярным тезисом в пользу необходимости пересмотреть отношение церкви к так называемым «нетрадиционным» проявлениям человеческой сексуальности служит «аргумент от прогресса». Дескать, со времени написания Библии прошло много веков, человечество продвинулось далеко вперед и нам пора избавляться от утративших свою актуальность этических норм: новые реалии требуют новых подходов.

Не будем углубляться, насколько тезис этот совместим с иным, вторым по популярности, – что, мол, «это» же вполне естественно и, задавшись целью, можно обнаружить аналоги гомосексуального поведения в животном мире. (Вне зависимости от корректности истолкования наблюдаемых фактов, такое рассуждение наводит на мысль не о прогрессе, а о деградации человечества к животному состоянию.)

Священное Писание предупреждает:

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (Екк. 1:9-11).

Всевышний ниспослал Своему народу Тору на пути в землю Ханаанскую, где гомосексуализм слыл нормой (см. Лев. 18:24). А ранняя Церковь распространяла Евангелие в греко-римской культуре, где педерастия (по-гречески – «влечение к юноше») была явлением не только обыденным, но и одобряемым.

Почти каждый мужчина имел гомосексуальный опыт, по крайней мере, в юности. Для патрициев было нормально иметь «возлюбленного» мальчика, всюду их сопровождавшего. Гиппократ провозглашал медицинскую пользу педерастии как для подростка, якобы, воспринимающего вместе с семенем зрелого партнера мужественность и силу, так и для его «наставника», получающего взамен заряд молодости и здоровья. Платон считал подобные отношения наиболее возвышенными, духовными и социально полезными.

Даже боги греко-римского пантеона были не чужды педерастических утех. У самого Зевса (Юпитера) был «возлюбленный» мальчик Ганимед. А император Адриан (76-138 гг.) причислил к сонму богов пылко любимого им юношу Антиноя и установил его статуи во всех городах империи для поклонения (в результате до нас дошло скульптур Антиноя больше, чем какого-либо другого исторического персонажа).

Именно в этом культурно-историческом контексте и несла Благую весть ученики Христа. Апостольская проповедь была обращена к обществу, где гомосексуализм был распространен в значительно большей мере, чем сегодня. Так что идея, что библейские авторы были несведущи в данном вопросе, мягко говоря, не соответствует реальности.

Правда, в Библии, как и в прочей античной литературе, нет таких слов как «гомосексуальный», «гетеросексуальный», «сексуальная ориентация» и т. п. Это изобретения нового времени. Тогда же общеприняты (Платон, Плутарх, Иосиф Флавий, Филон Александрийский и проч.) были термины *kata physin* («соответственно природе») для гетеросексуальных и *para physin* («вопреки природе») для гомосексуальных отношений. Несмотря на столь широкое распространение, гомосексуальные отношения не признавались естественными.

В настоящее время чаще всего предполагают следующие причины возникновения склонности к гомосексуальным предпочтениям:

- 1) генетическая предрасположенность;
- 2) проблемы воспитания;
- 3) гормональные нарушения;
- 4) зависимость;
- 5) распушенность.

Различные исследователи делают акцент на различных возможных причинах в зависимости от собственных предубеждений в данном вопросе. Вероятнее же всего каждая из этих причин имеет место в том или ином случае.

2. Исходный замысел

Когда знатоки Писания спросили Иисуса о пределах незыблемости брака, Он задал им встречный вопрос:

«Не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:4-6).

Тем самым Спаситель напомнил им об изначальном замысле Творца относительно брачного завета. Из текста мы можем выделить три принципиальные составляющие первоначальных брачных отношений:

- 1) единство;
- 2) между мужчиной и женщиной;
- 3) на всю жизнь.

Брачный завет первичен по отношению к любым общественным институтам. Он установлен Творцом еще до возникновения церквей, государств, правительств, судов, парламентов, учебных заведений и т. п. И потому ни одна из этих структур не вправе переопределять его.

Брачный завет являлся частью более обширного завета, который Создатель изначально заключил со всем человечеством – так называемого Адамова завета. Завет Бога с Адамом состоял из трех заповедей. Человеку было предназначено:

- 1) владычествовать над всем творением;
- 2) плодиться, размножаться и наполнять землю;
- 3) следовать Божьей воле (не грешить).

Но, как известно, человек ослушался Творца и, послушав сатану, лишился власти над творением. Так что первую заповедь, – «владычествовать», – мы все теперь можем исполнять лишь в незначительной степени, независимо от своей «сексуальной ориентации».

Вторую заповедь, – «плодиться и размножаться», – гетеросексуалы еще в некоторой степени исполняют, гомосексуалы же не исполняют ее вовсе. Что же до третьей заповеди, – «не грешить», – то на это неспособен никто из нас, по какому признаку мы бы себя ни самоидентифицировали. Адамов завет разрушен грехом.

Апостол Павел так пишет об этом:

«Знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7:18-24).

А Иоанн добавляет: «Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1:8). Так что мы все весьма далеки от того, какими нам предназначено быть.

3. Свидетельство Писания

«Содомия» – один из терминов, в наибольшей степени связанных в нашем сознании с мужеложством. Но действительно ли оправдана такая ассоциация? Давайте посмотрим, о чем говорит библейский текст:

«И пришли те два Ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содома. Лот увидел, и

встал, чтобы встретить их, и поклонился лицом до земли и сказал: государи мои! зайдите в дом раба вашего и ночуйте, и умойте ноги ваши, и встаньте поутру и пойдете в путь свой. Но они сказали: нет, мы ночуем на улице. Он же сильно упрашивал их; и они пошли к нему, и пришли в дом его. Он сделал им угощение и испек пресные хлебы, и они ели. Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом и вызвали Лота и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их» (Быт. 19:1-5).

Как видим, речь идет о покушении на групповое изнасилование двух ангелов. Как минимум, этот текст не имеет никакого отношения к половым контактам по взаимному согласию.

Но самое принципиальное здесь то, что о гомосексуальных наклонностях жителей Содома мы можем судить лишь по косвенным данным. А раввинистическая традиция запрещает осуждение чего-либо, если тому нет непосредственных свидетельств. Ветхозаветный пророк так пишет о нравственном упадке в городе:

«Вот в чем было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности, и она руки бедного и нищего не поддерживала» (Иез. 16:49).

Новый же Завет говорит о причине постигшей город Божьей кары, что «Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример» (Иуд. 1:7). «Иная плоть» в оригинале – *sarkos heteras*, «плоть иного рода» (имеются в виду ангелы). Так что содомляне, оказывается, – гипер-гетеро-сексуалы!

Единственное непосредственное ветхозаветное указание о гомосексуализме имеется в Книге Левит:

«Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость ... Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти, кровь их на них» (Лев. 18:22, 20:13).

При этом крайне важно иметь в виду, что указание это касается исключительно народа Божьего и только по отношению к народу Божьему. Никаких инструкций относительно проявляющих гомосексуальность безбожников Моисей не дает.

В Новом Завете гомосексуализм непосредственно упоминается трижды. Причем все три

раза – у апостола Павла (косвенно гомосексуалы могут быть причислены к «скверным» или «развратникам», в зависимости от перевода, в Отк. 21:8, но это уже мудрствование сверх того, что написано).

Вот наиболее радикальное из его утверждений:

«Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии (*malakoi*), ни мужеложники (*arsenokoitai*), ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас; но омылись, но осветились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1 Кор. 6:9-11).

Два понятия здесь появляются впервые в тексте Писания. Первое – *malakoi*. На языке койне это было оскорбительное слово, обозначающее тех, кто зарабатывает ролью «пассивного» гомосексуального партнера. Второе, *arsenokoitai*, создано самим Павлом и является буквальной калькой с еврейского словосочетания *mishkav zakur* («лежащий с мужчиной»), использованного в Книге Левит 18:22 и 20:13 (в Септуагинте, греческом переводе Ветхого завета, – *arsenos koiten*).

На три аспекта этого утверждения стоит обратить особое внимание:

1) гомосексуализм не выделяется каким-либо особенным образом среди прочих грехов – таких, как, в частности, пьяницы или сплетники (в Синодальном переводе – «злоречивые»). Все перечисленные группы людей относятся к одной категории «неправедные»;

2) все неправедные Царства Божьего не наследуют;

3) некоторые из вас (тех, кто наследует Царство Божье!) тоже когда-то были такими (в том числе – гомосексуалами), но получили оправдание во Иисусе Христе. Таким образом, приговор об отлучении неправедных от Царства не является окончательным. Христос дает выход из рабства греха и освобождает от проклятия Закона.

Опять же, текст этот обращен к Церкви, а не к неверующим, которые не наследуют Царства даже при идеальном образе жизни.

В другом послании апостол пишет:

«Закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для ос-

корбителей отца и матери, для человекоубийц, для блудников, мужеложников (*arsenokoitai*), человекохищников, клеветников, скотоложников, лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здравому учению» (1 Тим. 1:9,10).

Павел использует здесь уже знакомый нам неологизм *arsenokoitai* и вовсе не утверждает, что это – особый грех, превосходящий прочие грехи, скажем, обман или несоблюдение клятвы (о которых в церквях сегодня почему-то говорят с меньшим осуждением) по степени греховности. Всякий грех – мерзость перед Богом, а мерзость не имеет сравнительной степени – она не бывает большей или меньшей.

Наиболее же подробно Павел говорит о гомосексуализме в начале Послания к Римлянам, используя его в качестве исходного примера:

«Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, – то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь. Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное (*kata physin*) употребление противоестественным (*para physin*); подобно и мужчины, оставив естественное (*kata physin*) употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение» (Рим. 1:21-27).

Обращаясь к аудитории, мало знакомой с Ветхим Заветом, апостол использует общепринятые в греко-римской культуре понятия естественной (*kata physin*) и противоестественной (*para physin*) сексуальной активности. (Кстати, здесь мы встречаем единственное во всей Библии упоминание «лесбийских» отношений.) Указанный отрывок также позволяет нам сделать ряд серьезных богословских выводов:

1) текст этот описывает не индивидуальный опыт грешника (мол, осуетился – осквернился – получил возмездие), а состояние всего человечества в целом;

2) постыдные страсти – суть результат Божьего гнева, а не причина его. Клайв Льюис сфор-

мулировал это следующим образом: есть два типа людей; те, кто говорят Богу: «да будет воля Твоя», и те, кому Бог говорит: «что ж, пусть будет по-твоему». Как написано в грекоязычном еврейском тексте межзаветного периода, «посему-то и тех нечестивых, которые проводили жизнь в неразумии, Ты истязал собственными их мерзостями» (Прем. Сол.12:23);

3) частные прегрешения – это всего лишь симптомы. Диагноз же – грех: «они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили». Гомосексуализм приводится здесь в качестве наглядного примера того, как нечестивые получают «в самих себе должное возмездие». Грешат же вступающие в гомосексуальные отношения не в большей и не в меньшей степени, чем все те, кто поименован в последующих стихах – те, кто «исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонамерия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим. 1:29-32);

4) по Закону верующие достойны такого же осуждения. Когда читатель, добравшись до кон-

ца первой главы, уже готов провозгласить: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи» (Лк. 18:11), Павел наносит сокрушительный упреждающий удар:

«Итак, неизвинителен (*anapologetos*) ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же» (Рим. 2:1).

Причем, «неизвинителен» здесь – то же самое слово *anapologetos*, что и «безответны», использованное по отношению к безбожникам в 1:20. Не отсутствие грехов дает оправдание верующим, но благодать Божья, получаемая через веру в Сына Его: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8,9).

4. Общество

Теперь, разобрав все, что говорит о предмете нашего исследования Писание, а также памятуя, что согласно Библии гражданские власти существуют, «чтобы наказывать делающих зло и поощрять делающих добро» (1 Пет. 2:14, МБО), мы можем дать обоснованные ответы на те вопросы, которые задают относительно гомосексуализма в обществе.

1) Должны ли власти защищать гражданские права гомосексуалов?

Безусловно – да. Все граждане должны обладать равными правами, и обязанность властей обеспечивать это.

2) Должны ли власти ущемлять гражданские права гомосексуалов?

Бесспорно – нет. Опять же, все граждане должны обладать равными правами, и обязанность властей обеспечивать это.

3) Должны ли власти предоставлять некие особые права гомосексуалам?

И снова – нет. По той же самой причине: все граждане должны обладать равными правами, и обязанность властей обеспечивать это.

4) Должны ли власти преследовать гомосексуалов?

В данном случае сама постановка вопроса некорректна и исключает возможность однозначного ответа, требуя уточнения. Власти не вправе преследовать никого из законопослушных граждан. Если же имеет место нарушение закона (будь то насилие, совращение малолетних, непристойное поведение в общественном мес-

Библейские Беседы для детей

Это серьезно, но интересно пересказанные для детей истории из Библии. Сопровождаются рекомендациями для родителей. Раскраски и загадки помогут детям лучше понять пересказанные истории, а небольшие пояснения – приложить Библейские истины к событиям наших дней. Прочитав вместе с вами эти беседы, ваш ребенок узнает об Иисусе Христе, нашем Спасителе, о начале начал нашего мира. Вы сумеете подготовить своего ребёнка к познанию более важных Истин. И это принесет в вашу семью особое благословение и создаст хороший фундамент для будущей жизни ребенка.

Распространяются бесплатно.

Заявки можно присылать на адрес: 199004, Санкт-Петербург, а/я 55, Фонд «Конкордия»

Можно написать нам на e-mail: konkordiaspb@mail.ru или просто отправьте SMS на номер: +7 911 821 70 02

те, нарушение общественного порядка и т.п.), виновные должны подлежать преследованию по закону вне зависимости от принадлежности к какой-либо социальной группе и способа самоидентификации.

5) Должны ли власти поощрять гомосексуальное поведение?

Однозначно – нет. Власти должны поощрять здоровый образ жизни, а отнести к таковым гомосексуализм можно с большим трудом. В то время как, согласно данным исследований (Jeffrey Satinover, *Homosexuality and the Politics of Truth*. – Grand Rapids: Baker, 1996, pp. 51,55), верность в гетеросексуальных брачных отношениях хранят 90% женщин и 75% мужчин, в гомосексуальной среде в моногамных и «квази-моногамных» (т. е. до десяти партнеров на протяжении жизни) отношениях находятся 2% от общего числа респондентов. Причем 43% гомосексуалов оценивают число своих партнеров свыше пятисот, а 75% утверждают, что более половины из всех их связей были случайными.

Характерен для гомосексуализма и целый ряд медицинских проблем: сокращение средней продолжительности жизни на 25-30 лет, хронические (потенциально фатальные) заболевания печени, фатальные нарушения деятельности иммунной системы, множественные кишечные и инфекционные заболевания, частые случаи суицида и т. п. Наш организм просто не предназначен для таких отношений – они не были заложены в конструктивный план нашим Дизайнером.

Гомосексуальное поведение никак нельзя ассоциировать со здоровым образом жизни. Поэтому общество, напротив, должно поощрять программы и инициативы, помогающие гомосексуалам, признающим проблему, с этой проблемой справиться, какова бы ни была ее причина – будь то генетическая предрасположенность, функциональные расстройства, проблемы в детстве, зависимость, распущенность (неспособность контролировать свои побуждения) и т. п. И обществом, и церковью накоплен богатый опыт помощи группам риска.

5. Церковь

Таким же образом, мы можем найти и библейски обоснованные ответы на вопросы об отношении церкви к гомосексуалам.

1) Место ли гомосексуалам в церкви?

Однозначно – да. Церковь – собрание греш-

ников. Кто без греха – покиньте нашу лодку (ср. Ин. 8:7 с Лк. 5:8). Наша задача – не гнать грешников из церкви, а звать их, делая церковь лучшим местом для грешников. Чтобы каждый знал, что его здесь ждут и всегда будут ему рады, как ждет и рад каждому приходящему Христос – «друг мытарям и грешникам» (Мф. 11:19), отдавший за них Свою жизнь.

2) Могут ли гомосексуалы, обратившись ко Христу, продолжать гомосексуальную практику?

Безусловно – нет: «кто во Христе – новая тварь» (2 Кор. 5:17). «Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8:11), – говорит Иисус.

Как же быть тому, кто, придя ко Христу и даже признавая свою проблему, не в состоянии преодолеть гомосексуальное влечение и вступить в гетеросексуальные брачные отношения?

Ответ прост: он должен хранить себя в чистоте. Этот мир лжет нам, утверждая, что единственная альтернатива браку – блуд. Христос же учит, что единственная альтернатива браку – целомудрие:

«Не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:11,12).

А апостол пишет:

«Относительно же не вступивших в брак у меня нет указания от Господа, но, получив от Господа милость быть верным, я могу сказать так: в настоящих обстоятельствах я считаю, что для вас лучше оставаться в том же положении» (1 Кор. 7:25-26, МБО)

3) Должна ли Церковь признавать гражданские права гомосексуалов?

Конечно, – да. В обществе Церковь выполняет пророческую функцию, выступает в роли нравственного арбитра между грешниками и властями. Ее задача – призывать грешников к покаянию, а власти – к милости и справедливости. По справедливости же все граждане должны обладать равными правами.

4) Должна ли церковь благословлять гомосексуальные браки?

Безусловно – нет. Церковь вообще не должна заниматься урегулированием гражданских отношений. «Кто поставил Меня судить или делить вас?», – вопрошает Иисус (Лк. 12:14). В тех

странах, где Церковь ввязалась в подобную практику, разграничение между тем, что Божье, и тем, что кесарево, нарушено, и проблемы неизбежны.

Следует понимать, что существуют различные виды брачных отношений, которые могут включать различные аспекты: духовный, физический, правовой, имущественный (Душевный аспект (дружба) может как присутствовать, так и отсутствовать в любом из них, и потому оставим его вне рассмотрения.):

- Брачный завет, как было сказано ранее, – единственный вид брачных отношений, который соответствует изначальному Божьему замыслу; он включает в себя все четыре указанных аспекта: и духовный, и физический, и правовой, и имущественный.

- Гражданский брак (регистрация брака в государственных органах – не путать с сожительством!) включает только три из этих аспектов – физический, правовой и имущественный.

- Гражданский союз сводится лишь к правовым и имущественным отношениям, относя

физическую составляющую к сфере частной жизни (именно в этой форме регистрируются сегодня гомосексуальные отношения во многих странах).

- В случае сожительства бесспорной является лишь физическая составляющая; правовые и имущественные конфликты разрешаются в частном порядке через суд.

- Блуд исключает какие-либо аспекты брачных отношений кроме физического.

- Обет безбрачия имеет только духовную составляющую.

Из всех указанных аспектов брачных отношений к юрисдикции Церкви относится только духовный. Потому Церковь благословляет лишь те из них, которые

имеют эту составляющую, то есть только брачный завет (единство между мужчиной и женщиной на всю жизнь) и обет безбрачия.

5) Должна ли церковь рукополагать гомосексуалов на служение?

И снова, вопрос некорректен. Все рукополагаемые – грешники. Принципиально не то, с каким грехом кандидату в служители приходилось бороться более всего – с пьянством ли, с сребролюбием, с мужеложством, со сплетнями, с завистью, с озлобленностью, и т. п. Принципиально – потекает ли человек своей греховной природе, или преодолевает ее, преображаясь в образ Христов? Божьи слова не утратили своей актуальности: «Если делаешь доброе, то не поднимай ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт. 4:7).

Библия дает исчерпывающее описание квалификационных требований к служителям Христовым:

«Епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, чистен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую. Диаконы также должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допускать до служения» (1 Тим. 3:2-10).

Добавления излишни.

6. Искупленное Тело

Крайне важно понимать: в борьбе Церкви против греха она – не противник грешника, а союзник. Церковь сама – сообщество искупленных грешников, продолжающих страдать вместе со всей тварью:

«Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих,

БАКАЛАВР БОГОСЛОВИЯ

Главной задачей программы является приобретение знаний и навыков в исследовании Библии, включая древнегреческий и древнееврейский языки, историческое и систематическое богословие. Кроме того, программа включает вводные курсы в разные практические дисциплины: служение пастора, миссионера и педагога.

Форма обучения – очная. Срок освоения программы - 4 года.

По окончании программы бакалавр богословия студенты имеют возможность продолжить образование в магистратуре по направлениям «библеистика», «теоретическое или систематическое богословие», «история Церкви», «практическое богословие».

info@spbcu.ru
www.spbcu.ru

потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих.

Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего. Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении» (Рим. 8:18-25).

Когда мы теряем цель и вместо помощи грешникам в борьбе со грехом начинаем гнать самих грешников, мы уподобляемся тем, о ком Христос сказал:

«С кем сравнить Мне людей нашего времени? Они похожи на детей, которые сидят на площади и одни кричат другим: «Мы играли вам на свирели, и вы не плясали». – «А мы пели вам печальные песни, а вы не плакали». Пришел Иоанн, не ест и не пьет вина. И они говорят: «В нем бес!» Пришел Сын человеческий, ест и пьет. И они говорят: «Смотрите, вот обжора и пьяница, приятель сборщиков податей и прочих грешников!» Но Божья Мудрость своими делами оправдана» (Мф. 11:16-19, РБО).

Апостол восклицает:

«Несчастный я человек! Кто освободит меня от этого смертоносного тела?! Благодарю Бога моего – Он сделал это через Иисуса Христа, Господа нашего» (Рим. 7:24,25, РБО).

Мы ничуть не лучше грешников этого мира. Но, распознавая болезнь, мы не только находим Источник исцеления, но и сами становимся агентом исцеления – искупленным Телом Христовым.

Церковь ставит миру единственно правильный диагноз – грех.

Церковь назначает миру единственное действенное лекарство – Христос.

*Сергей ГОЛОВИН,
Киев*

Преображающая сила конфликта

Корни конфликтов

Сегодня подавляющее большинство публикаций в новостных лентах рассказывает о ссорах и противостоянии. Если обобщить темы новостей под одним заголовком и попытаться свести этот заголовок к одному понятию, пожалуй, самым подходящим для этого будет слово «конфликт». Именно оно наиболее точно объясняет причину многих трагедий.

Мир полон конфликтов. Конфликт – самое точное описание Истории. Это столкновение интересов, приводящее к непониманию и вражде, пронизывает все сферы совместной жизни людей.

Родители конфликтуют с детьми, а те, в свою очередь, не желают им подчиняться. Жены конфликтуют с мужьями, которые не спешат обуздать собственный эгоизм. Политики конфликтуют из-за интересов государств, придумывая способы уничтожения своих политических противников. Таким образом, вся человеческая История, – череда противостояний, больших и малых войн, – один большой конфликт на широтах Земли.

Если верить Библии, первый конфликт произошел в Эдемском саду, где разногласие наступило между первыми людьми и Богом. Причина разногласия была в том, что люди проигнорировали Божье повеление и вкусили запретный плод. Это произошло не без участия третьей стороны – искушителя, надоумившего Адама и Еву послушаться повеления Творца.

Тот первый конфликт наложил отпечаток на всю человеческую природу, поселив в людях врожденное противление Богу. Именно это обстоятельство стало причиной всех противостояний в Истории. Неприязнь людей друг к другу выразилась в первом вооруженном конфликте, когда Каин «восстал» на брата своего Авеля и убил его. С тех пор убийство врага стало традиционным способом разрешения споров и разногласий.

Итак, конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) – это ситуация, в которой каждый участник стремится занять наиболее выгодную для себя (и невыгодную для противника) позицию.

Современная наука даже имеет специальную дисциплину – конфликтологию, предметом изучения которой являются закономерности появления, развития и разрешения споров и противостояний.

Великий Конфликтёр

Но как же Бог относится к конфликтам?

Мы видим, что Он оказался одной из сторон, вовлеченной грехопадением человека в спорную (конфликтную) ситуацию, ведь грех человека был совершен против Него.

На удивление, Творец не стоит в стороне и не торопится простить и забыть зло, но безапелляционно выражает Свое отношение к происшедшему. Бог не только не пытается «замять» дело, оставив без должного разрешения вопрос греха, но и выступает инициатором борьбы! «И вражду положу между тобою и между женою,» – говорит Господь змею, обольстившему Еву (Быт. 3:15).

Если согласиться с тем, что слово «вражда» есть синоним слова «конфликт», оказывается, что Бог программирует противостояние между человеком и сатаной! Последующие стихи этой главы говорят о том, что Бог «настраивает» землю против человека, приводя ее в конфликтные отношения с ним: «Проклята земля за тебя... терния и волчцы произрастят она тебе...» (Быт. 3:18).

И наконец, последнее, что Он сделал, как конфликтующая сторона по отношению к Адаму, – это «выслал его из сада Эдемского» (Быт. 3:23). Бог объявляет войну, и Его образ никак не совпадает с тем понятием миротворчества, которое могло сформироваться у нас! Будучи по природе Своей «долготерпеливым и многомилостивым» (Исх. 34:6), Господь оказывается величайшим конфликтёром, выказывающим непримиримую позицию в отношении греха.

Правда, здесь следует заметить, что Его гнев поражает не саму человеческую личность, а, словно пронзая ее, «впивается» в бунтующую греховную волю Адама. Божье сострадание и забота об отпавших от Него людях видна в последующих текстах Библии, где описывается Его диалог с Каином (Быт. 4:6-7), в спасении рода людского от вод Потопа (Быт. гл. 6 – 9), в Его завете с Авраамом и народом Израиля.

Но, как бы то ни было, Бог остается самой гневной и конфликтующей Личностью, когда-либо упоминаемой на страницах Писания. Его

непримиримость проявляется в гневных речах пророков, в суровых, подчас трудных для осмысления, карательных мерах к идолопоклонникам, в беспрецедентно-жестоких, – на наш человеческий взгляд, – методах пресечения греха путем истребления целых наций. Да и сама смерть Сына Его на Голгофском кресте – что это, если не кульминация конфликта, Его непримиримости с грехом, возложенным тогда на плечи Христа?

Если набраться смелости и задать вопрос: а что же является движущим мотивом в действиях Бога, каков будет наш ответ? Какая причина заставляет Его «противиться гордым» (Иак. 4:6), одаривая смиренных Своей благодатью?

Как это ни покажется странным, генератором Его гнева является желание отстоять Свои интересы! Всевышний исполнен неистощимой ревности о собственных нарушенных правах. Как и в любом другом конфликте, движущей силой здесь является желание занимать положение, адекватное своему статусу!

Господь ни много ни мало претендует быть центром мира, что было и есть совершенно естественно для Него и что является наилучшим для человека. Грех человека покусился на эту центричность; Адам, стяжая себе мнимую независимость от Творца, исказил заданный Богом ход и строй вещей в природе, понудив их насильно признать себя «центром мира». Вот против этого самоубийственного акта и был направлен гнев Божий, и Его непримиримый конфликт.

Наше неумение конфликтовать правильно

Мы должны отметить, что человеческая способность конфликтовать отличается от Божьей. Как мы уже сказали, гнев Господа в конфликте с грешником направлен не на саму личность человека, но на его испорченную грехом волю, на его протест против Творца. Таким образом, Бог совмещает в Себе парадоксальное свойство любить наивысшей любовью объект Своего гнева с готовностью карать за грех.

Парадокс Голгофы состоял в том, что в распятии Божьего Сына выразились одновременно и акт наибольшего проявления гнева Всевышнего, и огромная Его любовь к человечеству! Христос, подъявший на Себя грехи мира, был оставлен Отцом. В те часы Отец видел не Сына Своего, висящего на древе, а вместилище грехов и вины всего человечества – того, против чего Он так решительно восстал в Эдемском саду.

Смерть Христа – результат приложения Божьего гнева, результат безудержного возмездия за восстание против Него. Но она же, – смерть Иисуса, – величайшая жертва, принесенная любящим Отцом, скорбящем о сыне, ушедшем из родного дома, вдаль от Небесного Отца.

Человек же, в отличие от Бога, не способен к такому парадоксу любви и гнева. Его гнев всегда пристрастен, его конфликт всегда эгоистически окрашен (пусть даже в едва заметные тона). Причина этого в подверженности человеческой воли проклятию первородного греха. Мы всегда конфликтуем, ненавидя личность (даже в абсолютно неприметной форме); мы всегда хотим добиться своего, а не пользы ближнего. Гнев человеческий «правды Божьей не творит» (Иак. 1:20).

Именно по этой причине конфликты между людьми рассматриваются Библией как явления негативного характера. Их негативизм в том, что они деструктивны по своей природе. Естественно-текущий конфликт между людьми всегда приводит к разделению и ссоре.

Война желаний

В Послании Иакова дается ответ на вопрос о том, что является движущей силой человеческого конфликта. Апостол задает вопрос: «Откуда у вас вражды и распри?» (4:1). Другими словами, «что заставляет вас ссориться и враждовать?»

В последующих стихах он сам отвечает на это вопрос: «Не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете и не имеете; убиваете и завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не просите. Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (4: 1-3).

Фундаментальный принцип, обозначенный Христом, – «из сердца исходят злые помыслы ...» (Мф. 15:19), – нашел отражение в ответе Иакова на вопрос о причинах вражды. Он видит первопричину конфликта в неудовлетворенности желаний человеческих сердец. Все, что стоит на пути реализации наших стремлений, будет вызывать в нас негативное отношение, неприязнь, гнев. В том случае, если на нашем пути будет стоять человек, наша сердечная агрессия будет направлена на него.

Как же простое желание может стать причиной вражды? Следует отметить, что желания являются лишь началом, лишь первыми им-

пульсами дальнейших помыслов и поступков. Это могут быть как греховные вожделения (завладеть чужим, незаконно снять с себя возложенные на нас обязанности, и т. п.), так и вполне законные, не имеющие греховной природы побуждения (желание отдохнуть после работы, вкусно есть, стяжать уважение к своей персоне).

Как первые, так вторые становятся причиной разлада отношений тогда, когда становится очевидным, что некто не готов уступить нам и стать нашим помощником в удовлетворении наших целей, и мы воспринимаем его как угрозу нашему счастью.

Нашим естественным, неосознанным стремлением будет попытка устранить эту возникшую преграду: мы можем попытаться переубедить противника, склонить его на свою сторону, мотивировать его для служения нашим целям, а если этого не происходит, то начинаем подавлять его. Это подавление может выражаться в таких формах, как игнорирование, осуждение, открытое противостояние. Так рождается конфликт, который затем может перейти в стадию неразрешенного и затяжного.

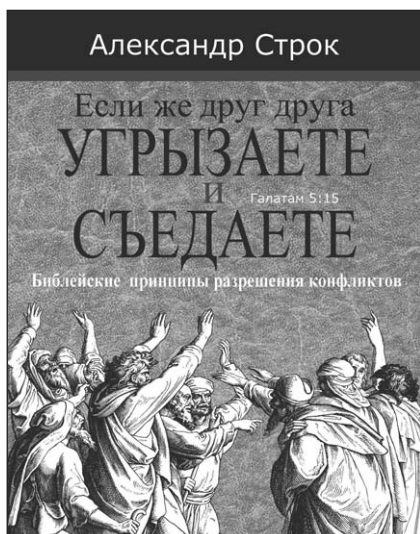
Игнорирование мнения нашего оппонента происходит до тех пор, пока оно не препятствует нам осуществлять свои планы. Мы можем отшучиваться, отмахиваться от противоположного мнения, как от назойливой мухи, продвигаясь в осуществлении собственного желания. Но это прекратится в тот момент, когда простое игнорирование уже не будет иметь достаточной силы для преодоления преград нашим вожделениям.

Следующий шаг в развитии конфликта – осуждение, попытка найти в оппоненте проблемы, дающие нам право противостоять его мнению. Поскольку, как было отмечено выше, человек неспособен конфликтовать «по-божьему» по причине испорченности своей природы, осуждение наше окрашено в греховные тона эгоизма и предубеждения. Судящий дает оценку мотивам поступков своего оппонента, исходя из собственных выгод. Осуждение – процесс формирования некой платформы, на которой будет разворачиваться открытое противостояние, выражающееся в словах и поступках.

Великая польза конфликтов

При всем сказанном выше нужно быть уверенным, что Господь, зная нашу природу, предлагает нам использовать конфликтные ситуации для того, чтобы изменяться, чтобы возра-

тать в познании Его благодати и во взаимоотношениях с ближними.

Как это ни странно, но то, что несет нам опасность и разрушение, способно предоставить нам возможность для перехода на более высокий уровень понимания жизни и Бога. Как опасный яд в нужных дозах может стать лекарством, так конфликты, при правильном их осмыслении и верных действиях, могут стать средством духовного возрастания.

Великая польза конфликта – в обнаженности душ, открытости тайных мотивов и замыслов, в демонстрации целей и желаний. Это состояние предоставляет уникальную возможность человеку посмотреть на себя в экстремальной ситуации, выявить собственную «наполненность».

Как и любой кризис, конфликт может либо уничтожить, либо воспитать новые навыки во взаимоотношениях с ближними. Пословица гласит: «Ничто происходящее с человеком, что бы это ни было и откуда бы ни приходило, не может ему повредить, если не вызовет неправильного отношения к происходящему».

Конфликт – это указующий Божий перст, показывающий нам состояние нашего сердца. Его преображающая сила в том, что он, при правильном отношении к нему, открывает нам содержимое нашего сердца. Правильно разрешенный конфликт приводит не только к восстановлению мира в отношениях с ближними, но и к внутренним переменам души.

Конфликт, как явление деструктивное, а потому нежелательное, может быть использован Всевышним для воспитания Своих детей, для того чтобы научить их концентрировать свое внимание не на согрешившем ближнем, а на его греховности. Бог учит нас конфликтовать с грешником, ища спасения его души. Его девиз: «Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и был жив» (Иез. 33:11)!

*Владимир ВОРОЖЦОВ,
Краснодар*

Угрызаете и съедаете?

Конфликт в церкви – широко распространенная проблема, с которой мы очень хорошо знакомы. «Если же друг друга угрызаете и съедаете» – единственная в своем роде книга, включающая в себя исследование библейских отрывков о конфликтных ситуациях и определяющая основные библейские принципы разрешения конфликтов среди христиан. Это касается как личных споров, проблем в повседневной жизни, разногласий между прихожанами, так важных вопросов христианского учения. Автор книги подчеркивает, что разрешить конфликт помогут контролируемые Святым Духом отношения и поведение, основанное на четких библейских принципах, а также приводит примеры реальных историй из жизни христиан, которым удалось исправить конфликтную ситуацию и прославить имя Христа.

*Александр Строк
«Если же друг друга угрызаете
и съедаете», «Мирт», 2015, www.mirt.ru*

Препоясать разум Истиной

Что кардинальным образом отличает человека от низших творений?

По замыслу Бога-Творца, человек – существо мыслящее, способное анализировать свои поступки, свое отношение к Богу, ближним, заниматься творчеством в той или иной сфере. «Мозг человека настолько уникален и совершенен, что он никак не может быть продуктом эволюции», – пришла к выводу Наталья Бехтерева, знаменитый профессор Института мозга. Имея такой совершеннейший инструмент, человек призван к интеллектуальной жизни, к тому, чтобы обогащать свой ум полезными знаниями, расширять кругозор, осмысливать историю, задумываться о текущих событиях.

За любой дар человек несет ответственность перед Тем, Кто его дал. Способность к размыш-

лению может быть утрачена как по вине самого человека, так и по воле неких разрушительных сил.

Громкая ритмичная музыка, действуя подчас, как наркотик, убивает интеллект. Назойливая, бьющая в глаза и уши реклама оказывает гипнотизирующее влияние на человека. Бульварная литература, криминальное чтение, так называемые «мыльные оперы» или телесериалы для обывателей погружают разум в сладкий сон. Какая-либо узконаправленная, партийная идеология, навязываемая разными методами, лишает человека способности к вдумчивому анализу.

Очень влиятельный идеолог своего времени, противник всякого инакомыслия и инаковерия, Константин Победоносцев на предложения о необходимости широкого духовного просвещения народа, отвечал: «А зачем народ просвещать? Для народа вполне достаточно иметь одно лишь религиозное чувство».

Но преобладание эмоций над разумом, культ одного лишь стадного чувства не превратят ли народ в обыкновенную толпу? Готовую без раздумий подхватить любой лозунг? Даже самый человеконенавистнический?

Многие беседы Христа с разными людьми, изложенные в Новом Завете, направлены на пробуждение и просвещение разума, на активизацию аналитического мышления.

Наиболее часто к Христу приступали фарисеи, люди, привыкшие мыслить шаблонно. Общаясь с фарисеями, Иисус нередко использует метод диалога.

– Что вы думаете о Христе? Чей Он сын? – спросил Иисус однажды группу фарисеев, побуждая их к самостоятельному размышлению.

– Давидов, – сразу же ответили фарисеи (Мф. 22:42).

Христос обращается к их разуму и сознанию, а фарисеи высказывают общепринятую шаблонную точку зрения большинства иудеев. Их личное сознание дремлет, оно в плену у общественного мнения.

Иудеи давно ожидают Мессию. По привычке они думают, что это будет представитель рода царя Давида, приход которого обеспечит процветание еврейскому народу и победу над всеми врагами Израиля.

Намереваясь вывести ум фарисеев из-под власти устоявшихся стереотипов, Иисус задает наводящий вопрос:

– Как же Давид называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: сяди одесную Меня... Итак, если Давид называет Его Господом, как же Он сын Ему (Мф. 22:43-45).

Явно недостаточно именовать Мессию просто «сыном Давида», дает понять Иисус фарисеям. Ведь подлинный Мессия есть Господь Давида. Мессия приходит не как земной властный правитель, но как глава Царства неземного с целью спасти грешников ценой жертвенной любви.

Задавая один вопрос за другим, Иисус хотел, чтобы фарисеи поняли план Божий о Мессии через личное открытие и личное соприкосновение с Живой Истиной. Ведь истина, лично пережитая и усвоенная, запечатлевается в сознании и жизни намного крепче, нежели принятая чисто механически, без раздумий, исканий и внутренней борьбы.

Первые последователи Иисуса Христа неслучайно назывались учениками. Они учились в уникальной школе, уроки в которой исходили из уст Небесного Учителя. Иисус учил их как имеющий власть свыше, а не как книжники и фарисеи (Мф. 7:29).

Духовно просвещая и воспитывая учеников, Иисус часто делал это во время непринужденной беседы. В этом отношении довольно примечательна Его беседа с учениками в странах Кесарии Филипповой.

– За Кого почитают Меня, Сына Человеческого? – спрашивает Иисус (Мф. 16:13).

Тут явный намек на то, что ученики должны иметь представление о том, что происходит вне их сообщества, что помышляет окружающий мир о личности Христа. От них требуется основательный трезвый анализ общественного мнения по важнейшим вопросам бытия.

Почему именно в Кесарии Иисус призывает учеников учитывать общественное мнение и давать ему правильную оценку? Эта местность представляла собой огромный пантеон всевозможных религиозных культов. Тут во множестве присутствовали культовые сооружения в честь сирийского бога Ваала. Возвышался холм с пещерой, где якобы родился бог природы Пан. А на самом видном месте красовался храм из белого мрамора, воздвигнутый Иродом Великим римскому цезарю, который почитался также божеством.

Христос выступает здесь как бы на фоне мировых религий. Взору учеников открывается наглядная иллюстрация по предмету «Сравни-

тельный курс мировых религий». В чем же превосходство Христа? В чем уникальность Его личности? Что помышляют люди о Нем?

Помыслы людей были известны ученикам. В умах людей царил разногласие. Кто-то почитал Иисуса за Иоанна Крестителя, кто-то за Илию, другие за Иеремию, остальные просто за одного из пророков. Доходит очередь и до учеников. Пусть они выскажут свое личное мнение. Очень легко заразиться настроением и мыслями, которые господствуют в сердцах и умах большинства.

«Ты – Христос, Сын Бога Живого», – заявляет с дерзновением Петр (Мф. 16:16). От обзора людских мнений Петр делает шаг к Откровению. Его собственное мнение идет вразрез с представлениями большинства, так как его осенила мудрость свыше.

Знание того, что происходит в обществе и живая вера производят плод вдохновенной мудрости. И человек в итоге приходит к правильным выводам и умозаключениям.

Не только в светской, но, к сожалению, и в христианской среде мы сталкиваемся с грехом скоропалительных и необдуманных суждений, с грехом злословия. О серьезности и послед-

ствиях данного греха предупреждает Христос в Нагорной проповеди:

«Вы слышали, что сказано древним; не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «Рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 5:21-22).

Безудержно гневливых людей ожидает суд местных старейшин. Тот, кто источает слово «рака», означающее презрение к людям, должен предстать перед синедрионом, верховным судом иудеев. А тот, кто рассыпает направо и налево слово «безумный», подразумевающее в данном тексте возведение грубейшей напраслины на человека, злостную сплетню или клевету, достоин адской геенны.

Грех злословия, грех скоропалительных оценок, неверных выводов, категоричных необдуманных суждений может проявляться под влиянием сильного эмоционального всплеска. А эмоции, как известно, делятся на положительные и отрицательные. Любовь, мир, радость мы относим к положительным. А гнев, ярость, раздражение – к отрицательным. Гнев, как явно выраженная отрицательная эмоция, ведет к греху и выпускает дьявола в сердце.

Многие люди, да и некоторые христиане, жившие при советском безбожном режиме, заразились вирусом большевизма. Большевицкая идеология породила горлопанов. Тот, кто умеет смачно выругаться, грубо оскорбить идейного противника, поразить врагов народа, размахивая шашкой направо и налево, тот и есть истинный борец за счастье народное, тот и должен занимать лидирующее положение в обществе.

Человек также может выносить неверные суждения и делать неправильные оценки по причине простой умственной лени. Ленивый ум обычно довольствуется однобокой информацией. Человек не утруждает себя поиском других источников информации, не анализирует факты, события, обстоятельства того или иного явления, не обращается к живым непосредственным свидетелям. Его разум фактически спит, находясь в некоем почти гипнотическом состоянии.

У испанского художника Франсиско Гойя есть серия офортов под характерным названием: «Сон разума порождает чудовищ». Человек со спящим разумом легко становится исполни-

МОСКВА
евангельская

- Карта церквей Москвы и Московской области
- Каталог христианских организаций
- Расписание церковных богослужений и мероприятий
- Фото- и видеорепортажи мероприятий

Эл. почта: moskva@drevolife.ru

«Москва евангельская» — интернет проект, направленный на освещение жизни и деятельности христианского сообщества Москвы и Московской области.

На проекте представлена информация о христианских церквях протестантских деноминаций, исповедующих Иисуса Христа своим Господом и Спасителем.

Адрес в интернете moskva.drevolife.ru

телем чуждой злой воли. Он – игрушка в руках дьявола. Он без каких-либо раздумий готов выполнить любой приказ.

Современная эпоха информационных технологий породила своеобразный тип человека. Зовут его «человек монитора». У этого типа сформировалось клиповое, фрагментарное мышление, легко скачущее от одной картинки к другой, от одного предмета к другому. Человек не привык тратить много усилий на то, чтобы основательно разобраться в каком-либо явлении. Он равнодушен ко всему и вся. Он жаждет лишь хлеба и зрелищ, лениво проглатывая лишь то, что мелькает на экране или лежит под рукой.

По оценки композитора Владимира Дашкевича, современный мир вступил в эпоху культурного одичания. Засилье музыкальной попсы, увлечение компьютерными играми опустошают сердце и разум, приводя личность к полнейшей деградации.

Один из «бесов», описанный Достоевским в одноименном романе, оглашает широкоэвangelическую программу своих действий: «Мы пустим пьянство, сплетни, донос. Мы пустим неслыханный разврат. Мы всякого гения потушим в младенчестве».

Искушения и соблазны, идущие от духа века сего, подстерегают и христиан на каждом шагу. Особенно молодых.

Как обезопасить себя от заразы злословия, от неразумных скоропалительных суждений? Библия учит нас быть медленными на слова, медленными на гнев (Иак. 1:19). А это значит, – прежде, чем сказать или что-либо сделать, – поразмысли, помолись Господу. «Пойди и посмотри» (Ин. 1:46). «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5:21).

В этих призывах высокая и практичная мудрость сочетаются. Не руби с плеча, не суди сгоряча, не исследовав скрупулезно и с молитвой дела. Приучай Богом данный разум к самостоятельной мыслительной деятельности. Ведь христиане призваны «возлюбить Господа Бога всем сердцем, всею душою и всем разумением» (Мф. 22:37).

Разум предназначен для познания Бога в мироздании, в истории, в судьбах народов и отдельных личностей. Ради сохранения разума от вредных влияний, от помрачения и лени «препоясать чресла ума нашего», по совету апостола (1 Пет. 1:13).

Человек с препоясанными чреслами – это

библейский образ духовного воина, бодрствующего праведника. Препоясать чресла ума Божественной Истиной – значит найти верный способ для сохранения личной духовной безопасности, духовной свободы, интеллектуальной независимости и мудрости.

*Владимир ПОПОВ,
Тамбов*

Хождение брата Лаврентия

«Рука Господня не сократилась. Наши грехи не могут исчерпать Его милосердия. Благодать Божия в наши дни столь же преизобильна, как и в ранней Церкви. Господь по-прежнему обращает к Себе души людские, и любящие Его успешно выполняют свое предназначение: хранят в себе частичку Духа и передают ее ближним, оживляя их души».

Так начинается свой рассказ о жизни скромного монаха-кармелита парижский священник Жозеф де Бофор. Эти строки написаны в 1692 году, через год после смерти брата Лаврентия. Де Бофор часто навещал старого монаха, ходил к нему, как ходят к старцам. Ходил с 1666 года, почти 25 лет... Именно ему брат Лаврентий сказал при первой встрече: «Если тобою, брат, движет истинная тяга к Господу, то навещай меня в любое время, не боясь потревожить, а если нет – не приходи больше».

После смерти брата Лаврентия его письма, духовные наставления и беседы увидели свет исключительно благодаря усилиям верного де Бофора.

Ровесник д'Артаньяна

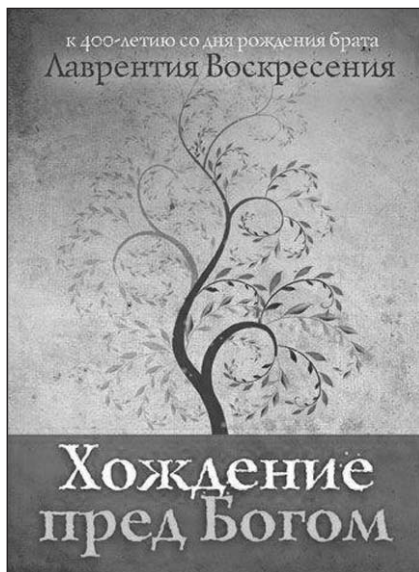
Как ни удивительно, Николя Эрман был практически ровесником Шарля д'Артаньяна, прославленного Александром Дюма. Только жизнь его сложилась совершенно иначе, чем жизнь отважного гасконца.

Итак, родился Николя Эрман в 1614 году в деревне Эримениль в Лотарингии. Эпидемии чумы, голод, и – будто мало напастей! – в 1618 году в Европе началась страшная и кровавая Трид-

цатилетняя война. Так что спокойным детство Николя назвать нельзя. Родители воспитывали его как христианина, но о хорошем образовании для простолюдина не могло быть и речи.

В 1632 году в Лотарингию, бывшую тогда частью Священной Римской империи, вторглись французские войска, и герцог лотарингский Карл IV вынужден был подписать договор: Лотарингия отошла к Франции. Не помогла герцогу ни детская дружба с французским королем Людовиком XIII, ни то, что его сестра была замужем за братом короля Гастоном Орлеанским.

Обращение: «От величия красоты созданий...»

А что же Николя? 1632 год – год его восемнадцатилетия и год обращения. Зимой он увидел голое дерево – наверняка не первое в своей жизни. До весны было еще очень далеко, но для него в тот день время ускорило ход. И он увидел внутренним взором, как дерево обрастает листьями, на нем появляются бутоны, цветы, плоды...

Он не раз наблюдал, как деревья теряют листву, а потом снова зеленеют, но именно той зимой ему открылся Бог. «От величия красоты созданий познается Виновник бытия их» (Прем. 13:5). Любовь к Богу-Творцу навсегда поселилась в сердце юноши. И пришла она не через знание, а через откровение. Николя влюбился в Бога.

Опаленный пламенем Тридцатилетней войны

В 1633 году французские войска оккупируют Лотарингию, Карл IV отрекается и, обиженный, вступает в войну на стороне императора Священной Римской империи Фердинанда II Австрийского. Он воюет сначала против германских войск, а потом и против французских, чтобы вернуть свои земли.

А Николя? С началом мобилизации он решил поступить на военную службу к герцогу Карлу. Но и став солдатом, «он всегда действовал пря-

мо и просто, и Господь был добр и милосерден к нему».

Как протекали военные будни Николя, можно только догадываться. Если свидетельство об ужасах войны с Наполеоном – гравюры Гойя, то хронистом Тридцатилетней войны можно по праву назвать Жака Калло.

Жак Калло, уроженец столицы Лотарингии Нанси, жил в одно время с Николя Эрманом. И когда войска Франции под началом кардинала Ришелье начали разорять Лотарингию, Жак Калло выпустил свой антивоенный манифест – первый антивоенный манифест в мире – серию из восемнадцати графических листов под названием «Бедствия и ужасы войны» (другое название – «Большие бедствия войны»). Кстати, гравюры Жака Калло были и у Гойи, и считается, что именно они сподвигли испанского живописца на создание его антивоенного цикла.

Жестокие казни, пытки, насилие, грабежи, убийства мирных жителей – вот чем была Тридцатилетняя война для Лотарингии. Всю жизнь брат Лаврентий вспоминал свои военные грехи и считал, что по-человечески прощения за них быть не может.

Столь жесткое отношение к себе кажется очень странным – ведь брат Лаврентий был боголюбивым и богобоязненным человеком, познавшим Божью благодать! Как он мог думать, что Бог его осудит?!

Но стоит взглянуть на гравюры Калло, как становится ясно, через что прошел брат Лаврентий, свидетелем и участником каких событий он был. Есть вещи, которые простить может лишь Бог... Но, с другой стороны, лишь Бог имеет власть обращать зло в добро. Так произошло и в жизни Николя Эрмана.

В Лотарингию, лежавшую на перекрестке дорог Тридцатилетней войны, вторглись шведы. И вот – битва при Рамбервиле. Она случилась 10 августа 1635 года, в день памяти св. Лаврентия Римского. Николя ранен, но остается жив. Как тут не вспомнить «Госпиталь» Калло! Рамбервиль – всего в 35 км от родной деревни Николя, поэтому лечиться он отправляется к родителям. Кстати, покровителем Эрменили тоже считался св. Лаврентий Римский. Ему была посвящена и деревенская церковь.

Неудавшееся отшельничество

Видимо, в этот период начинается второй перелом в душе Николя. В нем смешалась немец-

кая кровь матери и французская кровь отца: он обладает и дисциплиной, и умением улавливать знаки, способностью глубоко чувствовать и анализировать свои чувства. Он начинает размышлять о своей жизни в миру, «где и воздух отравлен», как говорил ему дядя – монах-кармелит. Но отравленный воздух падшего мира не убивает сразу, а отнимает жизнь и душу постепенно. И только припав к Богу – всегдашнему Источнику жизни – можно удержать это истечение души из тела и вобрать в себя жизнь Божью, истинную. Николая принимает решение оставить военную службу и встать под знамена Христовы.

Но он – максималист. Если уж отдать себя Богу – то всего и без остатка. Тут начинается его недолгое отшельничество. Он пошел в отшельники вместе с богатым вельможей, которого Бог позвал на путь святости. Но подвиг пустытника требует от человека духовной зрелости. Ее-то у Николая еще и не было. Его замучили перепады чувств и настроений. В итоге Николай Эрман отказывается и от отшельничества.

Боже, ты перехитрил меня!..

Он приезжает в Париж. В парижском монастыре кармелитов на улице Вожирар монашествует его дядя, брат матери Жан, а после пострига – брат Николай. Николая получает в Париже отличное место – место лакея у королевского казначея господина Фьебе. Редкостная удача для деревенского парня, бывшего солдата!

Но и мирские удачи Бог перетолковывает по-своему. Работа у Фьебе лишь подтолкнула Николая к уходу в монастырь. Причем ситуация была поистине смехотворной: «Я служил в лакеях у королевского казначея господина Фьебе, но был крайне неуклюж и вечно все ломал. И вот я вознамерился уйти в монастырь, надеясь, что там с меня за неповоротливость шкуру сдерут и что таким образом я принесу в жертву Господу и жизнь мою, и все удовольствия мои».

Впоследствии в беседах с братьями он часто сожалел о своей потерянной молодости:

«»Поздно полюбил я Тебя, Красота, такая древняя и такая юная, поздно полюбил я тебя!». Не будьте же как я, братья мои! Вы молоды. Так послушайте честную исповедь того, кто совсем не думал о Господе в дни юности своей. Посвятите молодые годы Его любви, ибо если бы я узнал Его раньше, если бы тогда мне сказали то, что я говорю вам сейчас, я бы не медлил

столь долго. Верьте же мне и каждую минуту, которую вы провели вдали от Божьей любви, считайте потерянной».

Как печалится брат Лаврентий о потраченных впустую восьми годах жизни – с момента откровения до поступления в монастырь! При чем мы в наше время их потерянными никак не назвали бы. А назвали бы их годами поиска... Ведь это и вправду были годы поиска Бога... Разве не так? Но у Лаврентия Воскресения другая логика: то, что не отдано Богу без остатка, – потеряно. Потеряно и для Бога, и для человека.

И когда, глядя с вершины своего сорокалетнего опыта хождения пред Богом, он размышлял о своей юности, то недоумевал: как можно было вкусить Бога – и оставаться в стороне от Него так долго? Как можно было влюбиться в Бога – влюбиться сильно и пылко – и не начать тут же учиться любить Его? Ведь влюбленность и любовь – разные вещи, не так ли? «А поскольку любовь обычно измеряется познанием, то чем глубже и шире наше знание, тем необъятнее любовь», – так говорит брат Лаврентий в одном из писем.

И вот в 1640 году, в возрасте 26 лет, Николай Эрман становится послушником в монастыре Босых Кармелитов на улице Вожирар. Да, именно в том монастыре, у стен которого королевские мушкетеры дрались, по воле Александра Дюма, с гвардейцами кардинала... Через два года – кстати, в год смерти кардинала Ришелье – он приносит вечные обеты и принимает имя Лаврентия Воскресения.

В его новом имени навсегда слились память о св. Лаврентии Римском, сыгравшем столь значительную роль в его жизни, и тайна Христова Воскресения, принеся спасение всему человечеству. Теперь брат Лаврентий до самой смерти будет носить коричневую рясу монаха-трудника и умрет в этом же монастыре в 1691 году в возрасте 77 лет. А о том, что происходило с ним на протяжении пятидесяти одного года в стенах монастыря, мы как раз и узнаем из писем и бесед брата Лаврентия и воспоминаний о нем, написанных священником Жозефом де Бофором.

*Анна ШИРОЧЕНСКАЯ,
Москва*

*Лаврентий Воскресения «Хождение пред Богом», Триада,
2014, www.triad.ru*

Божье присутствие

1. Привычное чувство Божьего присутствия

Так как вы очень хотели, чтобы я поделился с вами методом, при помощи которого я достиг привычного чувства присутствия Божьего, которое наш Господь по Своей милости даровал мне, я должен прежде сказать, что сделать это для меня трудно, но, соглашаясь с вашими настоятельными просьбами, делаю это по прошествии некоторого времени и с условием, что вы никому не будете показывать мое письмо. Если бы я знал, что вы покажете его кому-то, то при всем моем желании вам помочь, я бы не написал его. Вот, что я могу сказать вам...

2. Всё мое за всё Божье

Во многих книгах я нашел различные методы роста в Боге и различные практики духовной жизни. Я обнаружил, что это только смущало меня, поскольку единственное, чего я по-настоящему хотел – стать вполне Божьим.

Так я решил отдать все мое за все Божье и, предоставив себя полностью Богу, чтобы освободиться от своих грехов, я отказался из-за любви к Нему от всего, что не есть Он; и начал жить так, как будто в мире нет никого, кроме Его и меня.

Иногда я представлял себя перед Ним как бедного преступника в ногах своего судьи; в другие времена я созерцал Его в моем сердце как моего Отца, как моего Бога. Я поклонялся Ему настолько часто, насколько мог, и хранил свой разум в Его святом присутствии и возвращал мои мысли сразу, как скоро обнаруживал, что они отошли от Него.

3. Возникающие трудности

Это упражнение было весьма болезненным, и все же я продолжал его посреди всех трудностей, стараясь не поддаваться беспокойству или гневу, которые вызывали блуждания моего разума. Это было моим постоянным занятием на протяжении всего дня вдобавок к определенному времени личной молитвы. Постоянно – каждый час, каждую минуту, даже во время напряженной работы, – я гнал из своего разума все, что могло прервать мысли о Боге.

Такой была моя обычная практика с тех пор, как я пришел к вере, и, хотя я делал это очень

несовершенно, все же это упражнение мне сильно помогло. Я хорошо знал, что все мои успехи были только благодаря милосердию и благодати Божьим, потому что мы не можем ничего делать без Него – особенно я.

4. Дружба с Богом

Когда мы верны в том, чтобы хранить себя в Его святом присутствии, видя Его постоянно перед собой, это не только воспрепятствует нам оскорбить Его или сделать что-нибудь неугодное Ему (по крайней мере, сознательно), но также порождает в нас святую свободу и, если можно так сказать, дружественные отношения с Богом, в которых мы просим и получаем и стоим в благодати, которая нам так нужна.

Частое повторение этих действий сделает их привычными, и присутствие Божье станет для нас естественным переживанием. Воздайте Ему благодарение вместе со мной за Его великую благодать ко мне, которой я никогда не восхищался в должной мере – за многие блага к столь великому грешнику, как я.

5. Наилучший ответ

В книгах я не нашел описания моего духовного опыта, но это меня не смущало. Беседуя несколько дней назад с одним благочестивым человеком, я услышал от него, что духовная жизнь есть жизнь благодати, которая начинается со страха Божьего, растет надеждой вечной жизни и поглощается абсолютной Божьей любовью. По его словам, каждое из этих состояний имеет свои различные стадии, посредством которых можно достичь благословенного совершенства.

Я не следовал описанным им методам. Напротив, я обнаружил, что они препятствовали мне. По этой причине я принял решение всецело предать себя Богу как лучший ответ на Его любовь ко мне. Благодаря моей любви к Богу, я потом отказался от всего.

6. Одной веры достаточно

В течение первого года я часто проводил время в размышлениях о смерти, суде, аде, небесах и моих грехах. Так я жил несколько лет, по утрам занимая себя этими мыслями, а затем пребывая остальную часть дня, в том числе и во время работы, в присутствии Божьем. Я верил, что Он всегда со мной и даже внутри меня.

Потом как-то незаметно я начал делать то же

и в мое особое молитвенное время. Этот опыт дал мне великую радость и утешение. Эта практика произвела во мне столь высокое почитание Бога, что одной веры стало достаточно, чтобы покрыть все мои нужды.

7. Источник и суть моих страданий

Таким было мое начало, и все же я должен сообщить вам, что в течение первых десяти лет я много страдал. Источником и сутью моих страданий было осознание того, что я не был посвящен Богу, как того хотел, а также прежние грехи, которые всегда были перед моими глазами, и великая, но незаслуженная мной милость Божья.

В это время я часто падал, но быстро вставал. Мне казалось, что все творение, рассудок и Сам Бог были против меня. И только одна вера подерживала меня. Порой я был встревожен мыслями, что все благословения моего опыта были на самом деле заблуждением, поскольку я так легко достиг того состояния, к которому другие идут с такими трудностями. Иногда мне казалось, что все это было сознательным заблуждением, и даже что я могу потерять надежду моего спасения.

8. Привычная, тихая и тайная беседа

Я наконец достиг момента, когда хотел уже отказаться от моей практики, и в этот момент все изменилось, и моя душа, которая до этого была в смятении, пережила глубочайший внутренний мир, как будто она оказалась в самом центре покоя.

С тех пор я хожу перед Богом в простой вере, со смирением и любовью и стараюсь не делать ничего и не думать ни о чем, что могло бы вызвать Его недовольство. Я надеюсь, что поскольку я сделал то, что мог, Он сделает во мне то, что Ему угодно.

Что касается происходящего во мне в настоящее время, то я не могу выразить это. Я не испытываю никакой боли или трудности, потому что я не живу по своей воле, но по Божьей, которую пытаюсь выполнять во всем и которой я так предан, что не взял бы и соломинки с земли вопреки Его воле, или движимый каким-то другим мотивом, кроме чистой любви к Богу.

Я оставил все формы духовных дисциплин и установленных молитв, кроме тех, которые ответственными моей практике. Мое повседневное дело – хранить себя в Его святом присут-

ствии, в котором я держу себя простым вниманием и, главным образом, любовью к Богу, которую я могу назвать реальным присутствием Божьим. Или, иначе выражаясь, я достигаю этого привычной, тихой и тайной беседой души с Богом. Это состояние часто проявляется через радость и восторг внутри, а иногда также и извне! Ощущения настолько сильные, что я вынужден подавлять их ради окружающих.

9. Полон милости и благодати

Короче говоря, я уверен вне всякого сомнения, что моя душа была с Богом все эти тридцать лет. Я оставляю без внимания многое, чтобы не утомить вас, но все же думаю, что стоит рассказать о том, как я вижу себя перед Богом, Которого считаю своим Царем.

Я считаю себя великим грешником, заслужившим болезни и тление, совершившим всякие преступления против своего Царя. В раскаянии я исповедал Ему все мое зло и попросил Его прощения, предал себя в Его руки, чтобы Он сделал со мной то, что Ему угодно.

Этот Царь, полный милости и благодати, весьма далек от того, чтобы наказывать меня. Он обнимает меня любовью, приглашает меня к Своей трапезе, служит мне собственными руками, дает мне ключ к Своим сокровищам. Он беседует со мной, и Ему это нравится. Он обращается со мной так, как если бы я был Его любимым. Так я вижу себя время от времени в Его святом присутствии.

10. Невыразимая сладость

Мой наиболее эффективный метод – это простое внимание, подогреваемое страстным желанием к Богу, к Которому я прилепляюсь с большей сладостью и наслаждением, чем младенец к груди матери. И если я наберусь смелости использовать это выражение, я могу назвать это состояние «на груди у Бога», поскольку там я нахожу невыразимую сладость, которую я испытываю на опыте.

Если иногда мои мысли отходят от Бога из-за необходимости или немощи, меня сразу призывает обратно к Богу внутреннее ощущение, такое очаровательное и восхитительное, что я боюсь даже говорить о нем. Я желаю, чтобы вы более обратили внимание на мою великую греховность, о которой вы вполне информированы, чем на великое благоволение, которое Бог дает мне – такому недостойному и неблагодарному.

11. Камень перед скульптором

Что касается моих часов молитвы – они есть только продолжение того же самого упражнения. Иногда я вижу себя, как камень перед скульптором, из которого он должен сделать статую. Представляя себя таким образом перед Богом, я желаю, чтобы Он открывал Свой совершенный образ в моей душе и я стал совершенно подобен Ему.

В другое время в молитве я чувствую, как мой дух и душа возносятся сами без какого-либо усилия, и это продолжается до тех пор, пока они пребывают твердо укрепленными в Боге, как в центре и месте покоя.

Я знаю, что некоторые будут осуждать меня за бездеятельность, заблуждение и самолюбие. Я признаю, что это похоже на святую бездеятельность и может быть даже на счастливое самолюбие, если бы душа в этом состоянии была способна к нему. В действительности, пока душа находится в этом покое, она не может быть потревожена теми эмоциями, к которым она прежде была привычна и которые были ее поддержкой, но теперь скорее препятствует ей, чем помогают.

Я никак не могу согласиться, что это можно назвать заблуждением, потому что душа, которая таким образом наслаждается Богом, желает только Его. Если это заблуждение, то только Бог может исправить его. Пусть Он сделает то, что Ему угодно, а я желаю только Его, и полностью посвящен Ему.

*Брат ЛАВРЕНТИЙ,
Отрывки из книги «Практика Божьего
присутствия»*

Мера человеческая

«Говоривший со мною имел золотую трость для измерения города и ворот его и стены его. Город расположен четвероугольником, и длина его такая же, как и широта. И измерил он город тростью на двенадцать тысяч стадий; длина и широта и высота его равны. И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою, какова мера и Ангела» (Отк. 21:15-17).

Делится ли 613 на 2?

При чтении Нового Завета для нас отчасти приоткрывается религиозный мир иудеев первого столетия от Рождества Христова. Мы можем расслышать отголоски великих споров, захватывавших умы, обнаружить темы, которые привлекали к себе наибольшее внимание.

Подобная попытка вслушаться в беседы времен античности, проникнуть в их смысл, дает очень много для понимания Евангелий. Однако и задача эта не из простых. Ведь часто мы лишь полагаемся на правдоподобные догадки и реконструируем сложнейшие темы по оброненным ненароком фразам.

Наша задача – увидеть служение Иисуса в контексте вековых дискуссии о сути Закона, о смысле религии, о тайне спасения.

И тут нужно вспомнить, что жизнь Спасителя пришла на время смутное и тревожное. Иудейский мир жаждал и искал религиозных ответов, которые бы принесли бы мир и покой. Искал и не находил...

В Новом Завете мы встречаем эпизод, в котором один толкователь закона искушает Иисуса вопросом: «Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?»

В ответ он слышит: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37-40).

Почему этот вопрос вдруг возник в религиозной повестке дня? Что за странная тяга найти наибольшую заповедь? Зачем их измерять? Да и как измерить?

В еврейском подходе к Св. Писанию было много странного, порой начетнического. Они искали не только главную заповедь, центральную идею, но и центральное слово, и даже центральную букву (для этого были посчитаны все слова и буквы в Торе).

Был ли вопрос о наибольшей заповеди протой попыткой подловить Иисуса на незнании духовной «арифметики»? Представляется, что проблема сложнее.

Тмин и вера

Конечно, в евангельском эпизоде законник был подослан к Иисусу для лукавого вопрошания. Но сам по себе вопрос не лукавый. Ведь и в речениях Христа мы можем найти ту же тему.

Обличая религиозный истеблишмент, Иисус говорит: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять» (Мф. 23:23).

По аналогии с важнейшей и наибольшей заповедью возникает мысль о заповеди «малейшей» (Мф. 5:19).

Почему в законе есть наибольшее? Каков критерий важности?

Пока наша жизнь протекает безбедно и лишена этических коллизий, может казаться, что вопросы эти надуманы. Насущность темы мы осознаем, когда возникает конфликт между «мятой и судом», «анисом и милостью», «тмином и верой».

Иудеи насчитывали в Пятикнижии 613 заповедей. Вполне достаточно для того, чтобы между некоторыми из них порой возникало напряжение. Поиск наибольшей заповеди был попыткой разрешить моральные дилеммы, связанные с выполнением Закона.

Многие иудеи согласились бы с Иисусом, что повеление о любви к Богу и ближним должно первенствовать. Ведь и школа Гилеля, знаменитого законоучителя, придерживалась схожих взглядов.

Однако даже если бы кто-то точно знал, каким образом можно распределить 613 заповедей между двумя главнейшими, он не смог бы устранить сути проблемы. Ведь этический разлом возникал именно между этими двумя заповедями.

Повседневные религиозные ценности

Обнаружение двух главных заповедей уже было интеллектуальным подвигом, примером удивительного обостренного нравственного чувства. Обыденное религиозное сознание выхватывало из Закона совсем другие ценностные ориентиры, отдавая им первенство.

Аналогом двух важнейших заповедей для иудеев I века, пожалуй, служили повеления из книги Левит: «Субботы Мои соблюдайте и святилище Мое чтите: Я Господь» (Лев. 26:2). В соблюдении этого выражалась и любовь к Богу, и приверженность Завету, и основа религиозной самоидентификации. Заповедь о любви к ближнему вытеснялась на периферию сознания, ведь смыслообразующими элементами религии были традиция и культ.

Следует отметить, что к I веку иудаизм существовал в двух официальных формах: фарисейство и саддукейство. Именно они задавали тон религиозной жизни (ессеи, зилоты и прочие не в счет).

Для фарисеев центром жизни была синагога, а символом этой жизни – суббота. Для саддукеев таким центром было храмовое богослужение, а символом – сам храм. Из Евангелий мы видим, как Христос вступает в открытую конфронтацию и с фарисеями, и с саддукеями. Он посягает на священные символы обеих групп.

Но ведь храм и суббота были квинтэссенцией иудаизма! Место и время, вмещающие Божью славу (насколько это вообще возможно).

Однако, читая Новый Завет, мы можем заметить плачевную метаморфозу, которую претерпели эти символы. Место и время, призванные вмещать Божественное величие, не вмещают и человека.

«Двор язычников» оприходован менялами и торговцами, так что чужестранцу уже негде вознести свою молитву. Исполнение субботы обросло нелепой казуистикой, мешающей делам милосердия.

Если бы не было воскресения, пророк из Назарета запомнился бы евреям своей выходкой в храме (Мк. 11:15-17) и нарочитым нарушением седьмого дня. Однако его поступки не были простым «оскорблением чувств верующих». Они изобличали утрату религией человечности. А так уж получается, что в религии бесчеловечность и безбожность присутствуют «несливно, неизменно, нераздельно, неразлучно».

Нехуштан

В Ветхом Завете можно найти одну краткую, но очень важную ремарку. В четвертой книге Царств хроникер описывает время царствования Езекии. Перечисляя благочестивые поступки этого правителя, он упоминает и о том, что Езекия «истребил медного змея, которого сделал Моисей, потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан» (4 Цар. 18:4).

Мы видим, как знак Божьей благодати оброс чуждыми смыслами, превратившись в языческий истукан. Но стоит ли удивляться такой метаморфозе? Ведь люди могут сотворить «нехуштана» из любого символа спасения.

При этом идолослужение всегда вытесняет из религии не только истинного Бога, он также выдавливает и все человеческое.

Именно с такой религией столкнулся Иисус во время Своих странствий по Иудее. Он увидел, что для евреев и суббота, и храм стали тонкой формой идолопоклонства. Он обнаружил, что форма лишилась изначального содержания. Суд, милость и вера были оставлены.

В одном из Евангелий мы встречаем показательный эпизод:

«В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть. Фарисеи, увидев это, сказали Ему: вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу. Он же сказал им: разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам? Или не читали ли вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны? Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма; если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных, ибо Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мф. 12:1-8).

Что за слова! «Тот, кто больше храма», «Господин субботы». Иисус заявил Свои права на оприходованное религиозными лидерами время и пространство. Он посягнул на их святыни, поставил под угрозу их устои.

Но что Он предложил взамен? Это была совсем иная система этических и религиозных координат.

Кто мой ближний?

В Евангелии от Луки история с законником, искушающим Христа, содержит важные вариации.

«И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал ему: в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить. Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?» (Лк. 10:25-29).

Разночтения между евангелистами в данном случае не столь важны. Важнее, что Лука добавляет в продолжение диалога законника и Иисуса притчу о милосердном самарянине.

Она создает этический парадокс, решение которого возможно только при кардинальной смене перспективы. И здесь весьма показательно, что беседа у Луки началась с богословского вопроса о спасении, а уперлась в проблему ближнего.

В притче Христа напряжение между горним и дольным намерено заострено. Иерусалим и Иерихон, клир и мир, иудеи и самаряне.

Священник и левит – представители истинной религии, самарянин... Для евреев самаряне были еретиками, вызывающими лишь негодование.

В притче все переворачивается с ног на голову. Представители культа, вроде как, должны быть ближе к Богу. Самарянин от Бога бесконечно далеко, но он ближе к человеку, валяющемуся на обочине.

Богословы ранней церкви, такие как Иринеи Лионский, Климент Александрийский, Ориген, Иоанн Златоуст, Августин, толкуя эту притчу, видели в этой фигуре самарянина самого Христа.

Эта интерпретация, при всей своей натянутости, справедлива в одном, – благодать и милость Христа зачастую являют себя, минуя официальную церковь, в облике подобных «самарян». В их добрых делах мы можем почувствовать «веяние тихого ветра».

Притча завершается вопросом Иисуса: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» (Лк. 10:36). Законник

вынужден нехотя дать правильный ответ: «Оказавший ему милость».

Так диалог, начавшийся с вопроса о близости к Богу, о жизни вечной, плавно переходит на тему милости к другим людям. Ведь близость к нуждающемуся человеку вполне очевидна, а «близость к Богу» – понятие размытое. Как эту близость определить? Существует ли какая-то «главная палата духовных мер и весов», где мы можем получить соответствующие разъяснения?

Эти вопросы касаются и темы, с которой мы начали. Ведь «важнейшее в законе» и «наибольшая заповедь» – категории, подразумевающие некую меру. Но чем можно измерить заповедь?

Единица измерения

Древнегреческий софист Протагор как-то изрек: «Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют». Этот софистический принцип имеет непосредственное отношение к проблеме духовности.

Протагор утверждал, что каждый создает собственную систему нравственных координат, что человек должен своим «я» измерять окружающий мир и ближних. Пожалуй, в современной европейской культуре, полной релятивизма, протагоровский принцип является главенствующим.

Однако у людей, взявших его на вооружение, получается не лучше, чем у мифического Прокруста. Всякий раз, когда человек стремится подверстать под себя других людей, фраза Протагора оказывается лживой. Эта ложь обретает сатанинские черты, когда человек пытается соразмериться Богу, возвеличившись до Него.

Лишь в одном случае высказывание Протагора парадоксальным образом отражает истину. Об этом парадоксе – тайне тайн – мы узнаём из евангельских повествований. В Вифлееме родился младенец Христос, Слово стало плотью, Бог умалился и соразмерился человеку.

С той поры человечность действительно является мерой божественного, и наша любовь к Богу измеряется нашей любовью к ближнему.

Апостол Иоанн писал: «Если кто скажет: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, он лжец, ибо не любящий брата своего, которого он ви-

дел, не может любить Бога, Которого не видел» (1 Ин. 4:20).

Человек – мера всех вещей, если под человеком подразумевается ближний. Этой мерой будет в конечном итоге измерена и наша религиозность, и наше благочестие, и наше познание Бога.

Нехитрая истина, но за ней стоит все христианское богословие. «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4:7-8).

Любовь стала в христианстве этическим Абсолютом, руководством для нравственных решений и критерием для определения «важнейшей заповеди» в каждой конкретной ситуации.

В этом смысле христианская нравственность не сводима к этике долга. Здесь действует другой «человекосоразмерный» принцип: «Суббота для человека, а не человек для субботы...» (Мк. 2:27).

В случае этической коллизии, когда одна заповедь видимым образом противоречит другой, христианин должен избрать ориентиром человечность.

Занятно, что в русском языке выражение «поступать по-человечески» и означает поступать праведно, по любви.

Кто-то может сказать, что в результате богословских блужданий мы пришли к дешевому гуманизму. Но гуманизм не бывает дешевым (разве что, когда он осуществляется за чужой счет). Подлинный гуманизм – это всегда «дорогая благодать», благодать следования за Сыном Человеческим. В религиозной жизни – это попытка пробраться к суду, милости и вере через бесконечные инструкции, посвященные мяте, руте и тмину.

*Андрей СУХОВСКИЙ,
Санкт-Петербург
<http://sukhovskiy.blogspot.ru>*

Фаст-фуд в образовании служителей

Одна из характерных особенностей начала третьего тысячелетия – это избыток информации. Пожалуй, сегодня как никогда раньше понятны слова Екклесиаста: «Не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием... Кто умножает познания, умножает скорбь» (Екк. 1:8,18).

Большой популярностью пользуются сокращенные варианты изложения прагматичных идей. Востребованы не фолианты, а статьи; не фундаментальные курсы лекций, а семинары и тренинги. Видеоролик длительностью более пяти минут заведомо теряет значительную часть аудитории. Помню микрорецензию своей знакомой на один из шедевров мирового кинематографа: «Фильм хороший, тока длинный».

Многочисленные миссии, христианские писатели и опытные пасторы непрерывно продолжают производить тонны книг, пособий и методичек для тех, кто желает изучать Священное Писание, догматические и практические вопросы. И это великолепно! Однако если в 90-е годы служители на постсоветском пространстве стояли перед дилеммой: где обучающие материалы достать, то теперь задача видоизменилась: что выбрать из существующего многообразия?

Во многих церквях использование одних и тех же программ было поставлено на поток, что позволило охватить немало новообращенных людей. Тем не менее, даже самая лучшая программа не может давать эффективные результаты бесконечно долго. Одной из основных слабых сторон данного подхода к ученичеству можно отнести неизбежное падение уровня обучения, что объясняется тем, что наставники превращаются в механические ретрансляторы довольно ограниченного набора информации.

Далеко не у каждого есть способности к преподаванию и достаточный кругозор, чтобы уберечь даже самые удачные церковные курсы от подобного угасания. Однако, многие из них критерием собственной успешности декларируют набор и обучение новых групп выпускниками. В результате мы имеем замкнутый круг в

тиражировании поверхностных знаний и стойкую привычку потреблять интеллектуальный фаст-фуд, пережеванный чужими мозгами.

Но тут важнее другое: если для многих рядовых членов церкви набора предлагаемых в общине курсов может быть достаточно (в конце концов, это вопрос личного выбора), то для активных служителей, конечно, нет. На Западе данным-давно пришли к пониманию необходимости иметь качественное богословское образование для пасторов. Главная задача семинарии в данном случае сводится не к заполнению студенческих мозгов доктринальными штампами, но к формированию самостоятельного критического мышления и способности к перманентному самообразованию в условиях стремительно меняющегося мира.

Иначе служитель будет хвататься за материалы успешных руководителей мега-церквей как за палочки-выручалочки. Как правило, в таких случаях достаточно быстро приходит горькое разочарование. Почему? Дело в том, что любой здравомыслящий пастор, передающий свой опыт новому поколению лидеров, непременно будет акцентировать внимание на необходимости трансформировать принципы своего служения в их уникальный социокультурный контекст.

Возможно, самая трудная задача для каждого молодого служителя состоит в том, чтобы грамотно контекстуализировать Евангелие для своего общества, то есть сделать все возможное, чтобы вечная Божья Истина оплодотворила культуру конкретной аудитории. И в этом случае недостаточно пламенного сердца. Нужно отметить, что с данной задачей справляется далеко не каждый выпускник семинарии или христианского вуза. Но что он специально оснащается для такой духовно-интеллектуальной работы – это факт.

Виктор Кротов блестяще сформулировал аналогичную мысль: «Учения, вбирающие в себя опыт веков и эстафету озарений, необходимы человеку, даже если он не знаком ни с одним из них. Ведь способность человека к ориентированию во многом зависит от ориентирующей способности его окружения и всего человечества. Я буду тем более способен (хотя бы потенциально) осознавать происходящее со мной и направлять свою судьбу, чем более способен к этому человечество. Быть может, в виде случайно оброненной кем-то фразы придет ко мне квинтэссенция взглядов великого мыслителя. Быть мо-

жет, от мысли, рожденной этой фразой, дрогнет стрелка внутреннего компаса, начнется преобразование личности. Этого может и не быть. Но важно, чтобы вокруг были такие возможности».

Если церковный совет представляет собой узкий круг ограниченных людей, как они сформируют уникальное видение своей общины? Что могут слепые вожди слепых? Что можно ожидать от человека в духовном руководстве или душепопечении, если он отмахивается от азов герменевтики и богословия? Посвященность Господу становится плодотворной только в том случае, когда имеет правильный вектор для своих усилий и методично вкладывается в то, что является ее миссией.

Майкл Берер выразился следующим образом: «Нам чрезвычайно необходимы люди, которые любят Господа, любят Священное Писание и имеют академическое образование для библейских исследований... Люди, не имеющие подобной любви в сердцах, пишут всякие глупости о Библии и заставляют христианских ученых работать над их опровержением. Нам нужны люди, вклад которых будет подпитывать научную мысль выше по течению».

Итак, для лидерского состава христианских общин недопустимо ограничиваться цикличностью церковного обучения. Популярность программ и мода на них периодически будут меняться, но они не в состоянии формировать зрелых и компетентных руководителей. При этом если студент не бросается на произвол судьбы без личного наставничества и подотчетности во время получения академического образования, он имеет гораздо больше шансов стать влиятельным духовным лидером.

Апостол Павел рекомендовал молодому служителю Тимофею удаляться от поверхностных и нечестивых людей, которые умудряются всегда учиться, но в то же время оставаться невеждами в вере. Павел подытоживает следующими словами: «Но они не много успеют; ибо их безумие обнаружится перед всеми... А ты последовал мне в учении, житии...» (2 Тим. 3:9-10).

Сегодня существует немало перекосов в подготовке служителей церкви. Кто-то устремляется к звучной научной степени в ущерб глубоким познаниям. Другие пытаются подменить светским менеджментом и личной харизмой острую нехватку ключевых христианских добродетелей. Во всех этих случаях важно, чтобы главное оставалось в приоритете, но второстепен-

ное также весьма существенно. Не нужно искусственно противопоставлять явления, которые призваны дополнять друг друга. При этом следует учиться мудро использовать все доступные ресурсы.

Гигантский бич современных церквей и людей, которые их наполняют, – вечно спешащая и постоянно опаздывающая поверхностность. Вне всяких сомнений, это одно из ярких свидетельств пагубного мирского влияния. Противопоставить этой беде можно только основательный подход к собственной жизни и служению. В отношении духовно-интеллектуальной пищи христианский лидер не имеет морального права удовлетворяться ни однодневной попой, ни вредным фаст-фудом.

*Михаил ЧЕРНЯВСКИЙ,
Хабаровск*

Я скоро приду

Последние стихи последней главы последней книги Библии нагнетают атмосферу ожидания. «Я иду», – предупреждает Господь Бог, – «надлежит вскоре свершиться»; «скоро приду»; «время уже близко»; «вот, Я скоро приду»; «да, Я скоро приду».

Слова «Я скоро приду» внушают страх. Сам Бог! И кто я перед Ним? Стыжусь и боюсь своей недостойности. Боюсь суда Его глаз. Боюсь Его опаляющей святости и ослепляющей славы.

«Я иду». Это главное сообщение всей книги. Что это значит для нас, к чему обязывает и призывает?

Стихи 7-21 отвечают на эти вопросы: соблюдать слова Книги; преклониться пред Богом; не запечатывать слова; творить добро; оставаться святым; омыwać одежды (соблюдать заповеди); звать: «приходи!»; черпать воду жизни даром; не прибавлять и не отнимать; пребывать в благодати Господа Иисуса Христа.

И все же этот тревожный и обязывающий характер текста кажется невыносимым – по серьезности, требовательности, личной направленности.

Полнота иоанновой вести в том, что предупреждение «Я иду» дополняется самооткровением: «Я – светлая утренняя звезда», которое дает надежду разгорающегося нового дня. В та-

ком сочетании «Я иду» приобретает не только грозное, но и радостное звучание.

Ангел приказывает хранить книгу открытой, не запечатывать, не скрывать, не замалчивать ее послания: «Не запечатывай пророческие слова этой книги! Ведь время уже близко» (ст. 10).

При этом книга не открывает никакой экзотической информации, лишь напоминает о господстве Бога в истории, человеческой ответственности и скором времени суда:

«Пусть дурной человек продолжает делать дурное, пусть мерзавец творит своим мерзости, пусть добрый творит добро, и тот, кто свят, пусть остается свят. Вот, Я скоро приду! И плата Моя со Мною, чтобы заплатить каждому по делам его» (ст. 11-12).

Интересно различие в разных переводах 14 стиха: если большинство переводов говорят о счастье войти в небесный город для тех, «кто омывает свои одежды», то в поздних рукописях и некоторых переводах право имеют те, «кто исполняет Его заповеди».

Первый вариант дает шанс большему числу людей. Второй слишком строг. Мало кто исполняет заповеди, не нарушая хотя бы единой. И если бы не милость Божья, не омытые одежды, не очищение Его кровью, вход был бы закрыт почти для всех, для меня точно.

Интересен список тех, кто оказался вне города блаженных: «Псы, колдуны, развратники, убийцы, идолопоклонники и все, кто любит ложь и творит ее» (ст. 15). Всех богоборцев объединяет ложь. Они гибнут не от своих грехов, но из-за лжи, которая дает им самоуверенность, чувство безнаказанности, оправдание проступков. Они не хотят омыть одежды, потому что считают себя чистыми или свою грязь достойной.

При этом звучит призыв: «Приходи, бери даром!» Каждый, слышащий этот призыв, должен передать его дальше. «Кто жаждет, пусть приходит! И кто хочет, пусть берет воду жизни даром!» (ст. 17). Спасение остается доступным, но маловостребованным.

Самая опасная разновидность лжи – не обеление греха, но искажение истины. Об этом звучит строжайшее предупреждение:

«Я предупреждаю каждого, кто слышит пророческие слова этой книги: если кто прибавит к ним, тому и Бог прибавит напастей, описанных в этой книге; и если кто отнимет что-нибудь из этой пророческой книги, у того и Бог отнимет

его долю от дерева жизни и от Святого Города, описанных в этой книге» (ст. 18-19).

Иисус говорит о Своем скором пришествии серьезно и строго, но в ответ ожидает не страха, а радостного, приветливого настроения. «Тот, кто свидетельствует об этом, говорит: «Да, Я скоро приду!»». Да будет так, приходи, Господь Иисус!» (ст. 20).

Ответить: «да будет так, приходи!» можно только тогда, когда радости больше, чем страха. Когда ждешь начала вечного дня, а не «конца света». Этот возглас вырывается из груди естественно, без принуждения. Потому что душа ждет встречи. Кому-то – суд, кого-то очень жаль, но мы ждем встречи с Богом. Встречи не чужих, но родных, близких, любимых.

Последняя книга закрывается благодатью: «Благодать Господа Иисуса да будет со всеми!» (ст. 21). Страшные картины и грозные пророчества завершаются добрыми словами. Если последним словом Божьего Откровения является благодать, то наши попытки сгустить темные краски и нагнать парализующий ужас, дописать и закончить в миноре подлежат проклятию (ст. 18). Еще более страшному наказанию будет подвергнут тот, кто попытается убрать слова о благодати, лишит христианство благодатности (ст. 19).

Право на последнее слово принадлежит только Тому, Кто может сказать о Себе: «Я – Альфа и Омега, Первый и Последний, Начало и Конец» (ст. 13), «Я – Корень и Побег Давида, Я – светлая утренняя звезда» (ст. 16).

Он дал начало всему и Он же подводит итог. И Его итогом является новый вечный день, день нового творения.

Читая эти слова, мы вспоминаем первую книгу Библии: «Настал вечер, настало утро – первый день» (Быт. 1:3). Утром творение выглядит завершенным и готовым к торжественному началу, утром все только начинается.

Поэтому утренняя звезда символизирует власть над будущим, обетование вечного дня, Свет Христов. «А победителю, который до конца исполняет все, что Я велю, Я дам власть над народами, как Я Сам получил ее от Моего Отца. Он будет пасти их железным жезлом – как из глины горшки, разобьет на куски их! И Я дам ему утреннюю звезду» (Отк. 2:26-28).

Утренняя заря указывает на Христа как Владыку нескончаемого торжествующего Дня, прологом которого была вся мировая история.

«Это Мой Сын, Мой любимый, в Нем Моя отрада». И этот голос, донесшийся с неба, мы сами слышали, когда были с Ним на святой горе. Это еще больше убеждает нас в том, что подтвердились слова пророков. «Вы поступаете правильно, если будете относиться к ним, как к светильнику, что горит в потемках, пока не просияет День и не взойдет у вас в сердцах Утренняя звезда» (2 Пет. 1:17-19).

Царь возвращается, Звезда восходит. А все, что было раньше, – вечерние сумерки. Об этой волнующей вести проникновенно писал о. Павел Флоренский:

«С вечера начинается историю мира Священная Летопись. Кончается же эта история в Апокалипсисе разрушением и гибелью мира и новым творением. Опять Древо жизни посреди Нового Эдема – Иерусалима Горного. Опять радость и ликование. Опять нет скорби и плача. Опять нет смерти. Опять брачная пиршественность. Но это уже не вечер, а утро наступающего вечного Света.

Не есть ли история мира, во мраке греховном протекающая, – одна лишь ночь, один лишь страшный сон, растягивающийся в века, – ночь между тем, полным грустной тайны, вечером, и этим, трепещущим и ликующим утром? И кончина мировая – не рождение ли Земли в новую жизнь при Звезде Утренней? И концы сливаются. Ночь вселенной воспринимается как не-сущая. Утро нового мира продолжает тот, первозаданный вечер: «и бысть вечер, и бысть утро, день первый». «Утро» и «вечер», ночи же будто и не бывало».

Скорое возвращение Христа несет с собой не столько конец мира старого, сколько начало мира нового, не столько суд, сколько избавление и радость. А еще – ободрение и вдохновение для тех христиан, которые своим свидетельством, делом веры и трудом любви воплощают Царство Божье здесь и сейчас, предваряя его скорое полное торжество.

*Михаил ЧЕРЕНКОВ,
Киев*

Беглец из Глобальной деревни

Пророк из Торонто

Какие мысли родились в голове человека, впервые увидевшего Млечный путь? Бесконечность мира, которую не может вместить человеческий разум, и конечность мира, с которой этот же разум не может смириться. Может быть, именно тогда человек почувствовал всю глубину трагедии того, что когда-то потерял. Что может быть страшнее бездны внутри самого себя?

Человек всегда старался заполнить духовную пустоту. Он пытался сам воссоздать «светлое будущее», складывая его по кирпичику и... разрушая при этом реальность существующую. И все же, в самой глубине своего существа, он стремился и стремится создать «совершенную среду для совершенного человека». Этой идеей пропитаны произведения научной фантастики, об этом писали многие социологи в своих трудах, этим, наконец, стала заниматься «футурология» – наука о будущем, сформировавшаяся в XX веке.

Мечты о «виртуальной», возможной, потенциальной реальности давно будоражили пытливые умы. Над этим задумывались и Исаак Сирин, и Николай Кузанский, Василий Великий и Фома Аквинский.

Однако философская разработка этого явления появилась сравнительно недавно – во второй половине XX (уже прошлого) века. В работах ряда западных эстетиков, социологов и культурологов 60-х – 70-х годов плодотворно развивалась идея о мессианской роли художника, о художнике-творце, создающем собственный мир.

При этом большое количество теорий носило и характер прогнозов. Особое место в этих разработках уделялось роли средств массовой коммуникации (СМК), взаимодействия их с традиционными формами искусства и средствами информации. Одним из первых, еще в пятидесятые годы, к проблемам СМК обратился канадский ученый Герберт Маршалл Маклюэн, литературовед, социолог, культуролог. Начиная

с пятидесятих годов, его имя не сходило со страниц популярных изданий, его книги выходили многотысячными тиражами, которые тут же раскупались, и его идеи продолжают оказывать влияние на развитие футурологии.

Маршалл Маклюэн родился в 1911 году в городе Эдмонтон на юго-западе Канады. Поступив в Манитобский университет, Маклюэн всерьез готовился стать инженером, не помышляя ни о какой преподавательской карьере. В 1933 году он получил степень бакалавра, а в 1934 – магистра.

Однако молодого инженера внезапно увлекла английская литература и в 1935 году Маклюэн поступил в Кембридж, где в 1942 году успешно защищает диссертацию на тему «Томас Нэш и его время» и получает степень доктора филологии. Параллельно он преподавал в нескольких университе-

тах. С 1947 года Маклюэн занимает кафедру профессора литературы Торонтского университета, крупнейшего научного центра Канады.

Начиная с 30-х годов, Маклюэн активно печатается в периодических изданиях. Именно этот период связан с принятием Маклюэном католичества. На его решение повлияло творчество знаменитого писателя и ученого Гилберта Кийта Честертона, работы которого Маклюэн в то время усиленно изучал. Во многом на взгляды Маклюэна повлияли те труды Честертона, в которых он говорил, что в современном западном обществе царит чувство взаимного отчуждения, неспособность к нормальному общению. Впоследствии это нашло отражение в философских трудах Маклюэна, посвященных развитию информационного общества и влияния средств массовой коммуникации на развитие культуры и искусства.

В середине 50-х годов интересы Маклюэна расширяются, не ограничиваясь литературой. Направление его изысканий скорее можно определить как междисциплинарное. В это время выходят в свет его первые философские работы, где он начинает описывать новое общество, во многом идеализируя его.

В первой половине пятидесятих Маклюэн стал руководителем семинара по культуре и коммуникациям в Торонто. Вместе с антропологом Эдмундом Карпентером он стал издавать журнал «Эксплорейшенз», освещая работу семинара в области междисциплинарных гуманитарных исследований. Маклюэн обращается к теме влияния электронных средств массовой коммуникации на формирование современного общества, все больше тяготея к прогнозированию последствий применения новых СМК. В 1951 году выходит в свет его первая работа «Механическая невеста. Фольклор индустриального человека», которая была посвящена проблемам рекламы и ее воздействию на современного американца.

Маклюэн оказался на редкость изобретательным и оригинальным философом. В то время как его коллеги и не думали о том, чтобы зарабатывать на публикации своих трудов (подчас трудно воспринимаемых обыкновенным читателем), он публиковал книги, тираж которых почти мгновенно исчезал с полок книжных магазинов. Этому способствовала не только его скандальная репутация исследователя современной поп-культуры, на редкость противоречивого и запутанного. Маклюэн сам разрабатывал новые приемы оформления книги, разрабатывал синтетические виды искусства, в которых совмещались средства разных видов передачи информации.

Безусловно, Маклюэн-философ этого периода был утопистом, идеализируя общество будущего. Основным предметом его исследования стали новейшие средства массовой коммуникации. В своих работах он предвосхитил появления Глобальной сети и проблемы сетевого сообщества.

В 1963 году он достигает пика своей карьеры – становится директором Торонтского центра культуры и технологии, который занимает почти до самой своей смерти. В это время появляются его основные работы, в которых он прогнозирует развитие общества: «Галактика Гутенберга» (*The Gutenberg Galaxy*, 1962), «Понимание медиа: продолжения человека» (*Understanding Media: The Extensions of Man*, 1964), «Война и мир в глобальной деревне» (*War and Peace in the Global Village*, 1968). Эти книги были написаны в яркой, оригинальной манере, так свойственной Маклюэну.

Журналисты буквально осаждали канадского ученого, который всякий раз радовал работ-

ников СМИ своими парадоксальными заявлениями и афоризмами. «Мы придаем форму орудиям труда, а они, в свою очередь, формируют нас». «Наличные деньги – это кредитные карточки бедняков». «Может оказаться, что шизофрения – это необходимое следствие образованности». Это лишь некоторые афоризмы, сделавшие его желанным гостем телевизионных ток-шоу, журналов и газет. Благодаря своим прогностическим заявлениям Маклюэн журналисты стали награждать его всевозможными прозвищами, одно из которых прочно закрепилось за канадским мыслителем – «пророк из Торонто».

В чем же состояли взгляды на развитие цивилизации Маршалла Маклюэна? Основным двигателем развития истории цивилизации Маклюэн видел отнюдь не классовую борьбу, а смену технологий, которую в свою очередь провоцирует смена средств массовой коммуникации.

Этой теме посвящена, пожалуй, главная и самая известная книга ученого «Галактика Гутенберга». Маклюэн утверждал, что тип общества напрямую зависит от господствующего в нем типа массовой коммуникации. До изобретения письменности человек жил в «аудиовселенной», где его окружала устная речь. Изобретение алфавита позволило человечеству вступить в новую эпоху своего развития – эпоху техногенной цивилизации.

Эпицентром взрыва технологий Маклюэн считал изобретение Гутенбергом печатного станка, детонатором же этого взрыва стало гусиное перо. В это время, по мнению ученого, началась эпоха отчуждения человека от общности, так как каждый человек стал познавать мир индивидуально через печатное слово.

В XX веке произошел новый технологический взрыв – вторая техническая революция – изобретение новых электронных СМИ, что позволило человеку вновь вернуться к «племенному» восприятию мира.

Итак, в развитии цивилизации Маклюэн выделял три основных этапа:

I этап – первобытная дописьменная культура, основанная на принципах естественности и коллективности образа жизни, восприятия и понимания окружающего мира благодаря устным формам связи и передачи информации;

II этап – культура письменно-печатная, заменившая устно-эмоциональные формы общения книжными и утвердившая вместо естественнос-

ти и коллективизма дидактизм, индивидуализм и национализм;

III этап – современный, отходящий от принципов «гутенберговой галактики» в сторону возрождения естественного слуховизуального многомерного восприятия мира и коллективности, но на новой электронно-индустриальной основе с помощью замещения книжно-печатных языков общения радиотелевизионными средствами массовых коммуникаций.

Маклюэн считал, что электронные слуховизуальные средства связи являются силой, способной в корне менять все стороны человеческой жизни и судьбы мировой истории. Более того, ученый утверждал, что новые средства электронных СМИ – это зашифрованное послание Бога цивилизации, которое человечеству еще предстоит расшифровать.

Один из западных исследователей творчества канадского ученого Гэри Вулф в своей работе «Мудрость Св. Маршалла, Священного Глупца» (2001, журнал *Wired*), особое место уделяет религиозным воззрениям Маклюэна. Безусловно, его религиозные воззрения так же оригинальны, как и философские взгляды, но нельзя не отметить, что и они к концу его жизни изменились.

Маклюэн, казалось, почувствовал к какой опасной черте привели его неортодоксальные взгляды на развитие цивилизации. В своих поздних работах его оптимизм по поводу идеализации технократического мира будущего сменился настороженностью, а подчас и откровенной боязнью наступления эры «Глобальной деревни». Ученый был хоть и парадоксальным, но отнюдь не глупым человеком, наблюдая, что вместо расширения кругозора потребителя информации, электронные СМИ погружают его в мир порока, заваливая «информационным мусором». Безусловно, ученый прекрасно видел и сознавал опасность будущих политехнологий, позволяющих более эффективно манипулировать обществом.

Маклюэн остался настоящим ученым, умеющим и нашедшим в себе силы признать свои ошибки. Он увидел, что вместо свободы и возвращения «чувства всеобщности и сотрудничества», человечество погружается в еще большую отчужденность и враждебность. Он увидел, как его надежды на то, что электронная цивилизация совершит мощный духовный прорыв и приведет человечество к непосредственному контакту с Богом, рушатся с каждым днем все основательней.

К концу своей жизни он уже не хотел жить в «идеальной» Глобальной деревне, утверждая, что современная идея Глобальной деревни как места, где царит всеобщая гармония и промышленное процветание, – не более чем сказки для туристов. Именно ему принадлежат страшные и пугающие слова: «Электронная вселенная – это не что иное, как бессовестный обманщик, вульгарное и омерзительное олицетворение Антихриста».

Выдающийся ученый и мыслитель Герберт Маршалл Маклюэн умер в 1980 году. По его желанию на надгробном камне его могилы были высечены слова: «Истина сделает вас свободным». Похоже, после многолетних поисков и метаний знаменитый ученый нашел свою свободу и истину. Найдет ли Истину человечество эпохи Глобальной деревни?

*Игорь ПОПОВ,
Москва*

Грамматика пророчества

Нет, наверное, таких уникальных и таинственных фигур в истории человечества, в истории религии, в истории литературы, как пророки Израиля.

Их необыкновенные и полные символических видений откровения, суровые обличения, актуальные без преувеличения для всех времени народов, не оставляют никого равнодушным. Часть их пророчеств (без сомнения лишь небольшая часть) дошла до нас благодаря Священному Писанию – Библии. К ним редко прислушивались, еще реже поступали так, как они требовали поступать, но никогда не оставляли без внимания. Мало кто из них умер своей смертью, все претерпели тяжкие гонения. Пророков было немало. Они происходили из разных социальных слоев, различались по уровню образования, различны были способы, которыми они старались донести до народов и князей пророчества, которые есть не их слова, а слова пославшего их Бога. Воистину, Бог многократно и многообразно говорил издревле отцам в пророках.

Так кто же такие пророки? Этой теме посвящено большое количество литературы, в том числе объемных исследований, многие из которых рассматривают лишь небольшие, частные вопросы истории пророчества, как явления, или отдельные пророчества. Сейчас же вашему вниманию представляется совсем небольшая книга, автор которой озаглавил ее «Кто такие пророки?». Автор – католический монах, профессор Ветхого Завета в Studium Biblicum Franciscum. В краткой, но предельно насыщенной книге он рассматривает отличительные черты пророчества, которые проявляются у пророков в разной степени и в разных сочетаниях.

Он предостерегает читателя от упрощенческого подхода к рассмотрению этого великого и уникального явления, от редуцирования его к какому-либо одному из аспектов. Показывая тонкие «грамматические нити», пронизывающие слова, писания и действия пророков, автор обращает внимание на смыслы, связывающие Ветхозаветное и Новозаветное послание в единое целое.

Как и в другой своей книге «Божья любовь в псалмах», Альберто Мелло «наводит резкость на богословскую тему», определяя существенные элементы библейского пророчества.

В предисловии к итальянскому изданию книги автор высказал мысль, которая является ключом к пониманию всей книги, всех аспектов исследования. «У всех народов древности были свои провидцы и гадалки, но только в Израиле пророчество достигло признаваемой всеми литературной и богословской глубины».

Каждая небольшая глава этой книги отвечает на различные вопросы. Принимая во внимание, что пророки воспринимаются, прежде всего, как люди, способные предсказывать будущее, первую главу автор посвящает именно прозорливости. Это первое измерение пророчества, «исторически самое древнее, но которое останется до самого конца». Что такое прозорливость? Когда этот феномен появился в Израиле? В чем различие индивидуального и группового профетизма? Можно ли поставить знак равенства между прозорливцем и пророком? Ответы на эти вопросы важны для понимания смысла деятельности пророков Израиля (и вне его тоже!).

Следующий аспект, на который обращает внимание автор, – это гадание. Разграничение гадания и пророчества – еще один не менее важный этап на пути к более глубокому пони-

манию пророчества. Феноменологические различия между магическими гадательными практиками, существовавшими у языческих народов, в том числе астрологией, и вдохновенными видениями пророков столь значительны, что являются одной из важнейших тем, раскрываемых в книге. Пророк – не астролог, «историей движет не фатум, который надо предугадать, а божественный замысел, реализуемый через пророков».

Какие еще важные стороны освещает автор в своей книге? Это, например, энтузиазм пророков, вдохновенных Духом Господним, полностью посвятивших себя этому тяжелому и опасному служению. Также слышание ими вести от Бога, которую они должны передать тем, кому она адресована, видения, посланные им для того, чтобы посредством пророков донести смысл слов Бога, зачастую грозных, осуждающих. Видения предстают как иллюстрации, которые не просто сопровождают и «подкрепляют» проповедь пророка, но являются неким визуальным ее основанием, «они как бы возжигают его весть».

Пророки не только проводники слова, они те люди, через которых Бог являет знамения или объясняет их. Непросто увидеть знамение, еще сложнее его понять, а принять его смысл бывает почти невозможно. В связи с этим роль пророков невозможно переоценить.

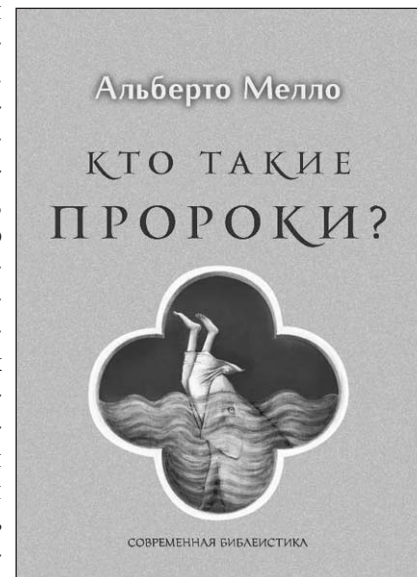
Израильские пророки – эффективные целители в народе, и эта роль их не может не быть предметом изучения. Помимо этого, они еще и творческие люди, талант которых, в том числе музыкальный, сопровождает их деятельность как во время событий, носящих исключительный характер, так и в повседневном их служении.

Немаловажным аспектом, внимание которому уделяет Альберто Мелло, является взаимодействие пророков со священническим сословием и их участие в богослужении, в котором также прослеживается прочная взаимосвязь между Ветхим и Новым Заветом, реализуемым в служении пророка и высшего откровения Бога – Иисуса Христа.

Политическое значение деятельности пророков и их личности, их роль, как участников «судебного процесса» между Богом и Его народом, также с точки зрения автора позволяют более полно понять их место в религиозной картине жизни Израиля.

Завершается книга рассмотрением эсхатологии пророков. Автор не рассматривает суть и смысл эсхатологических, мессианских воззрений каждого из пророков, он обращает внимание на место, которое занимает описание будущих времен, конца Израиля и его надежды на восстановление в пророческом служении.

Книга Мелло не является комментарием к текстам пророков и не содержит развернутого описания их личности и трудов. Задача автора совершенно иная. При всей своей краткости, книга позволяет расставить наиболее важные акценты, которые необходимо учитывать при вдумчивом и внимательном прочтении ветхозаветных пророческих текстов. При этом автор не навязывает какой-либо личной или конфессиональной точки зрения, а лишь помогает читателю самостоятельно пройти по герменевтическому пути. Представляется, что книга Альберто Мелло «Кто такие пророки?», которую отличает простота изложения и лаконичность формулировок, позволяющая ее читать без труда даже не очень подготовленному читателю, будет очень полезной тем, кто приступает к изучению пророчеств Ветхого Завета, так как дает четкие и ясные ориентиры, придерживаясь которых возможно понять их смысл и назначение.

*Данила ГОНТАРЬ,
Москва*

*Альберто Мелло. Кто такие пророки?
М.: Издательство ББИ, 2015*

Где найти газету «Мирт»

В Санкт-Петербурге

Магазин «Слово»

Ул. М. Конюшенная ул., 9 / +7 (812) 571-20-75

Магазин «Христианская книга»

Ул. Лебедева, 31 / +7 (812) 542-70-05

Духовный центр «Библия для всех»

Ул. Грибакиных, 40 / +7 (812) 368-43-37

Дом молитвы ЕХБ

Ул. Б. Озерная, 27 / +7 (812) 293-45-78

Магазин «Библия»

Пр. М. Тореза, 85 / +7 (812) 293-29-32(14)

Лютеранская церковь св. Михаила

ВО, Средний пр., 18

Христианский университет (СПбХУ)

Нарвский пр., 13 б / +7 (812) 747-25-47

Церковь Миссия «Благая весть»

Аллея Поликарпова., 6, кор. 2
Невский пр., 100 («Колизей»)

Шведская лютеранская церковь св. Екатерины

Ул. М.Конюшенная., 1/3

Русская христианская гуманитарная академия (библиотека, 1 этаж)

Наб. реки Фонтанки, 15 / +7 (812) 314-35-21

В Москве

Магазин «Сирин»

Ул. Автозаводская, 19, к. 1 / +7 (495) 677-00-40

Магазин «Филадельфия»

Волгоградский пр., 17, стр. 1 / +7 (495) 676-49-83

Магазин «Христианская книга»

Мукомольный проезд, д. 1, кор. 2 / +7 (499) 259-71-28

Христианский центр

Ул. Наметкина, 15 / +7 (495) 719-79-45

Церковь «Благая весть»

Ул. Иркутская, 11/1 / +7 (495) 727-14-70

Церковь «Голгофа»

Ул. Лескова, 11 / +7 (499) 908-02-19

Московская богословская семинария ЕХБ

Ул. Перовская, 4А / +7 (495) 730-35-81

Евразийская богословская семинария

Ул. Поречная, 15 / +7 (495) 345-94-40,
+7 (916) 410-08-94

В других городах России

Магазин «Библейский мир»

Ижевск, ул. Труда, 19
+7 (3412) 611-116 +7 (912) 856-34-57

Магазин «Посох»

Новосибирск, ул. Каменская, 60
+7 (923) 248-36-10

Издательство «Новые книги»

Волгоград, ул. 8-ой воздушной армии, 32а
ХКЦ «Свет миру»
+7 (8442) 33-42-82

Магазин «Лоза»

Воронеж, ул. Шендрикова, 13
+7 (4732) 70-88-80, +7 (903) 651-67-93

Магазин христианской книги

Нижний Новгород, ул. Саврасова, 32
+7 (910) 143-05-53

Магазин «Нужная книга»

Пермь, ул. Уральская, 93
+7 (908) 26-20-622

Магазин «Гармония»

Краснодар, ул. Красная, 68
+7 (861) 253-31-05

В Украине

Магазин «Книжная полка»

Киев, ул. Нижний Вал, 7-9
+38 (044) 227-27-29

Одесский христианский дом книги

Одесса, ул. Добровольского, 152а
+38 (048) 711-41-60, (097) 253-19-78

В Казахстане

Христианские СМИ в Средней Азии

Байконур-5, а/я 125
Кызылординская обл., 468320
+7 (33622) 72-940, (705) 952-59-69

Как поддержать газету «Мирт»

Газета существует исключительно за счет пожертвований своих друзей и читателей, поэтому мы с благодарностью принимаем любую поддержку.

Искренне благодарим всех, кто уже поддерживает газету своими пожертвованиями.

Перечислить ваши пожертвования вы можете, используя реквизиты Сбербанка:

МРОЕХ «ХЦ «МИРТ»

ИНН 7806041559 КПП 781301001

р/с 40703810155200106508 в

Петроградском ОСБ 1879/0797,

«Северо-западный банк Сбербанка

РФ г. С.-Петербург», БИК 044030653,

к/с 30101810500000000653

В графе «Назначение платежа» **обязательно** указывайте: «Пожертвования на газету «Мирт».

Вы также можете сделать перечисление на банковскую карту **Сбербанка** № 4276 5500 1998 3546 (через Интернет или банкомат Сбербанка).

Кроме того, вы можете для пожертвований использовать любой терминал и положить деньги в кошелёк газеты на сервисе Яндекс.Деньги: 41001515249127.

Жители Украины для почтовых переводов могут использовать следующий адрес:

Бойко Тарас Владимирович,

а/я 157, Киев,

Украина, 02002.

В графе «Назначение платежа» **обязательно** указывайте: «На газету «Мирт».

На расчетный счет СПД Бойко С.В. Код 2901207746, р/с 26002053105053 в КРУ КБ «Приватбанк» МФО 321842 Основание: за газету «Мирт»

Газета «Мирт»,

ул. Пушкинская, 10, офис 59Н,
Санкт-Петербург, Россия, 191040

Тел./факс +7 (812) 575-5212

Моб. +7 (911) 939-8786

Эл.почта – gazeta@mirt.ru

www.gazeta.mirt.ru

Евангельская газета «Мирт». Зарегистрирована Северо-Западным управлением Роскомпечати: свидетельство о регистрации № П-2348 от 09.02.2000.

Учредитель: МРО ЕХ «Христианский центр «МИРТ», 191040, С.-Петербург, ул. Пушкинская, 10, офис 59Н.

Адрес редакции: 191040, Россия, С.-Петербург, ул. Пушкинская, 10, офис 59Н. Главный редактор: Р. Л. Носач.

Редколлегия: А. Лычаков, М. Неволин, В. Степанов. Дизайнер: Zuzana Cicelova.

Редакция не всегда разделяет мнение авторов, оставляет за собой право редакторской правки. Редакция имеет желание, но не имеет возможности вступать в переписку со всеми своими читателями. При переписке ссылка обязательна. Газета печатается на добровольные пожертвования и распространяется бесплатно.

Отпечатано в типографии ООО «Типографский комплекс «Девиз»». 199178, Санкт-Петербург, 17 линия, д. 60, лит. А, пом. 4Н. Заказ № ТД– 3746. Тираж 10.000 экз. Подписано в печать по графику 2.07.2015 в 23:00, фактически 2.07.2015 в 23:00. Дата выхода в свет 4.07.2015 г.